Невеста-обманщица

Автор:
Кэтрин Коултер

Невеста-обманщица

Кэтрин Коултер

Шербруки #1

Молодой граф Дуглас Шербрук собирается жениться. Он сделал предложение красавице Мелисанде, но обманным путем его женили на другой девушке – Александре. Дуглас взбешен и собирается развестись с самозванкой. Невеста-обманщица, с детства влюбленная в графа, всеми силами старается добиться его расположения. Удастся ли ей покорить его? Как сложатся их отношения?

Кэтрин Коултер

Невеста-обманщица

Посвящается Дэвиду, доброму, веселому, умному, настоящему мужчине. Надеюсь, ты повеселишься, читая эту книгу, как веселилась я, когда писала ее. Прошу тебя, покажи ее прекрасной Лори.

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Catherine Coulter, 1992

© Перевод. Г. О. Веснина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Нортклифф-Холл,

окрестности Нью-Ромни, Англия

Май, 1803 год

– Я видела ее прошлой ночью. Это была Новобрачная Дева!

– Нет, правда? Ты видела привидение, Синджен?

– Клянусь тебе, я ее видела!

Последовали взволнованные возгласы, в которых смешивались страх, удивление и восторг.

– Конечно, это была Новобрачная Дева.

– Она сказала тебе об этом? Ты очень испугалась? Она была вся в белом и стонала? А похожа она на живого человека?

Голоса, обсуждавшие подробности этого упоительного события, стали удаляться и наконец стихли.

Дуглас Шербрук, граф Нортклифф, плотно закрыл дверь и подошел к письменному столу. Проклятый призрак! Интересно, скольким еще поколениям Шербруков предстоит слушать эти небылицы о несчастной молодой леди,

погибшей во цвете лет? Он посмотрел на аккуратные стопки бумаг на своем столе, вздохнул и сел, обуреваемый мрачными мыслями.

Уже много недель эти мысли не давали ему покоя, не отпуская ни на один час. Со всех сторон его атаковали пока мягкими, но все более настойчивыми напоминаниями на опостылевшую тему. Ему необходимо жениться и произвести на свет продолжателя рода. С каждой минутой он становится старше, он тратит впустую отпущенные ему годы на недостойных его положения особ, в то время как его способности к воспроизводству должны быть направлены на сотворение законного наследника. Так гласила Библия. Однако он сомневался в правильности подобного толкования.

В этом году, в День святого Михаила, ему исполнится тридцать, говорили ему тетушки и дядюшки, кузены и кузины и старшие родственники, помнившие его с пеленок; об этом твердили ему друзья, даже те, которые предавались разгулу, забыв о выполнении собственного фамильного долга, – и все они, словно сговорившись, каждый на свой манер, пели одну и ту же песню. Он должен жениться! Боже, ему хотелось заткнуть уши и никого не слушать! Ему хотелось сказать им, что в День святого Михаила в этом году ему исполнится вовсе не тридцать, а только двадцать девять. Не говоря уже о том, что сейчас, в эту самую минуту, ему двадцать восемь, и пока, слава Богу, еще только май, а не сентябрь. Он едва успел привыкнуть к тому, что ему уже двадцать восемь. Он с трудом научился выговаривать, что ему двадцать восемь, а не двадцать семь лет. Да и в конце концов, у него еще уйма времени! Что им всем от него надо?

Граф посмотрел на бронзовые часы, стоявшие на камине. Черт возьми, куда запропастился Райдер? Ведь он прекрасно знает, что каждые три месяца, в первый вторник, ровно в три часа они встречаются в парадной гостиной Нортклифф-Холла. И конечно же, то, что граф сам явился инициатором этих встреч, когда девять месяцев назад, сразу после подписания Амьенского мира, оставил армию, не извиняло его брата за то, что он опаздывает на их третью встречу. Да, хорош братец! При этом граф обходил вниманием тот факт, что сам он и не вспомнил бы об этой встрече, если бы его камердинер Лесли Дэнверс, чья пунктуальность временами была несколько утомительной, не напомнил ему о ней час назад.

Шумное вторжение улыбающегося Райдера, который принес с собой запахи ветра и моря, кожи и лошадей, и почти вовремя – было только пять минут четвертого, – заставило графа забыть свой гнев. К тому же Райдеру было почти

двадцать шесть, а это значило, что скоро у них будут общие проблемы. Так что лучше уж держаться вместе.

– Боже, какой чудесный день, Дуглас! Я катался с Дороти по утесам. Ничего подобного я еще не испытывал, клянусь тебе, ничего подобного!

Райдер сел, скрестив ноги в сапогах из оленьей кожи, и подарил Дугласу свою знаменитую улыбку, открывающую ряд белоснежных зубов.

– Ты умеешь держаться в седле?

Райдер улыбнулся еще шире. В его глазах появилось знакомое графу выражение человека, который добился предмета вожделения, и потому он только вздохнул.

– Ну хорошо, – сказал Райдер после некоторого молчания, – если ты настаиваешь на этих встречах, я признаю, что должен выполнять твои условия как следует.

– А Дороти Блэлок?

– Вдова Блэлок такая женственная и соблазнительная, братишка, и знает, как доставить удовольствие мужчине. При этом моя Дороти достаточно умна, чтобы не попасться.

– Ее посадкой в седле я просто восхищен.

– В ней многое достойно восхищения.

Лишь усилием воли Дугласу удалось сдержать улыбку. Все-таки он был граф, глава старинного рода Шербруков.

– Ну что ж, давай приступим к делу.

Его серьезный тон не обманул Райдера, который заметил, как изогнулись уголки губ Дугласа, и рассмеялся.

– Ну что ж, давай приступим.

Райдер наполнил свой стакан бренди, жестом приглашая брата присоединиться.

– Нет, спасибо, – отказался Дуглас и продолжил: – Итак, в этом квартале на твоем счету четверо совершенно здоровых сыновей и четыре такие же здоровые дочери. Бедный малыш Дэниел умер минувшей зимой. Падение Эми не нанесло ей серьезных повреждений. Я ничего не упустил?

– Отметь у себя, что в августе я жду появления еще одного младенца. Мать чувствует себя хорошо, и, надеюсь, все будет в порядке.

Дуглас вздохнул.

– Очень хорошо. Ее имя? – Он записал ответ и поднял голову. – Теперь все правильно?

Улыбка сошла с лица Райдера. Он медленно пил бренди.

– Нет, не все. Бенни умер от лихорадки на прошлой неделе.

– Почему ты не сказал мне раньше?

– Ты уезжал в Лондон по делам военного министерства, и я не стал тебя беспокоить. Похороны были скромными. Так захотела его мать.

– Мне очень жаль. – Дуглас встал, налил себе немного бренди и вернулся к столу. – Если ребенок должен родиться в августе, то почему ты не сказал мне об этом в нашу прошлую встречу?

– Его мать молчала до тех пор, пока беременность не стала очевидной. Она боялась, что я оставлю ее сразу же, как только узнаю. Пришлось объяснить ей, что Шербруки не бросают своих детей на произвол судьбы и я позабочусь, чтобы обеспечить будущее своего сына. Кстати, я надеюсь, что она подарит мне близнецов. – Райдер отвернулся от окна и отхлебнул еще глоток. – Да, совсем забыл. Еще Нэнси.

– Что Нэнси? – выронил листок Дуглас.

– Нэнси Арбьюкл, дочь торговца мануфактурой на Хай-стрит в Рае. Она тоже ждет моего ребенка. Я рассчитываю, что он родится в ноябре. Она замучила меня слезами и стенаниями, хотя я уверял ее, что ей не о чем беспокоиться. Более того, не исключена возможность, что на ней женится капитан корабля. Ему все равно, чьего ребенка она носит.

– Ну, это уже кое-что. – Дуглас закончил свои записи и поднял голову. – На твоем содержании находятся семеро детей и их матери. И еще две женщины должны родить от тебя детей до конца этого года.

– Да, все так. Не забудь про вероятность близнецов и про Нэнси, которая может выйти замуж за капитана.

– Господи, неужели ты не можешь развлекаться, не плодя детей на каждом шагу? Ты что, не знаешь, что для этого нужно делать?

Райдер покраснел, что было для него большой редкостью, и обиженно ответил:

– У меня не получается. Я никак не могу удержаться. В конце концов, не все же такие ледники, как ты, Дуглас! Господи, неужели ты всегда контролируешь себя? Неужели ты ни разу не был в состоянии, когда думаешь только о наслаждении и тебе плевать на все последствия?

– Нет.

Райдер вздохнул.

– Я не такой дисциплинированный, как ты. У тебя по-прежнему только двое детей?

– Нет. Мальчик умер, когда я был в Лондоне. Осталась только Синтия, прелестная девочка четырех лет от роду.

– Мне очень жаль.

– Это не было неожиданностью, доктора давно предупреждали об этом его мать. У малыша были недоразвиты легкие. Элизабет написала мне, что состояние

ребенка ухудшилось, и я отправился в Лондон. Так что посещение военного министерства было только одной из причин моей поездки.

Дуглас взял чистый лист бумаги и занялся подсчетами расходов в текущем квартале.

– Твои любовные похождения обходятся слишком дорого. Чертовски дорого, я бы сказал.

– Только не надо читать мне мораль. Ты такой же молодой и здоровый мужчина, как я. И наш знаменитый дядюшка Брэндон только порадовался бы, видя, что его любвеобильная натура нашла свое воплощение в его потомках. Любовный пыл не покидал его до восьмидесяти лет, во всяком случае, так он мне рассказывал. И очень может быть, что он не хвастал.

Ты всегда говорил, что мы должны нести ответственность за своих незаконнорожденных детей, и тут я с тобой согласен. Я также согласен с твоим планом вести строгий учет, так как он дает нам уверенность в том, что мы ничего не упустим из виду. Ты такой замечательный стратег, что, думаю, из тебя вполне мог бы выйти генерал. Как жаль, что тебе пришлось оставить армию всего лишь в чине майора!

Райдер продолжал смеяться, когда дверь гостиной отворилась и в комнату заглянул их младший брат.

– О, Тайсон, входи, мы почти закончили. Дуглас уже сообщил мне, что страсть к похождениям скоро проделает дыру в моем кармане. Он уделит нам с тобой внимание, как только закончит подсчеты моих грандиозных расходов. Они кажутся ему еще больше оттого, что, по его мнению, я мог бы потратить их на более серьезные занятия. Он полагает, что существует иное поле деятельности, которое можно было бы вспахать, засеять и потом ждать урожая.

– О каких это подсчетах и полях ты тут болтаешь? – поинтересовался Тайсон Шербрук, входя в комнату.

Райдер игриво покосился на Дугласа, который лишь неодобрительно пожал плечами, не поддержав его тона. Но Райдер слишком хорошо знал своего брата и догадывался, что в душе он тоже забавляется.

– Послушай, Дуглас, Тайсон собирается стать викарием. Поэтому ему необходимо знать о мужских слабостях, а главное, если уж говорить прямо, об основном мужском инстинкте. Сегодня, Тайсон, ты попал как раз на одну из наших встреч, которые мы устраиваем раз в три месяца, чтобы подсчитать количество незаконнорожденных Шербруков, которые появляются благодаря моему непосредственному участию.

– Подсчитать кого?.. – Тайсон ошеломленно перевел взгляд на Дугласа.

– По-моему, я ясно выразился. Тебе уже двадцать один, Тайсон. Пора и тебе приходить на наши встречи. Как ты думаешь, Дуглас? А то в один прекрасный день нам свалится на голову его отпрыск и начнет предъявлять свои требования. Мы должны держать ситуацию под контролем. Подумай о нашей репутации. Ну, Тайсон, признавайся: есть ли у кого-нибудь из местных девиц ребенок от тебя?

Тайсон был на грани обморока.

– О Боже, конечно, нет! Я не способен на такие низкие поступки! Я слуга Господа, будущий викарий, пастырь, который поведет свою паству…

– Умоляю тебя, остановись! – закатив глаза, прервал его Райдер. – Мне страшно подумать, что Шербрук может произносить такие вещи и сам верить в то, что говорит. Господи, Тайсон, неужели ты не можешь жить, как все нормальные люди? Нет, все-таки, несмотря ни на что, я верю в тебя. Как говорится, надежда умирает последней.

Тайсон сидел потрясенный, не в силах поддерживать разговор. Он знал, что его братья были светскими людьми, что им были известны стороны жизни, о которых он боялся даже подумать, но шутить над такими вещами? Устраивать подобные встречи, вести учет незаконнорожденных детей? Все это было омерзительно и низко. И это его родные братья! Он молча направился к двери.

– Ну хотя бы улыбнись, Тайсон, – попросил Дуглас. – Ведь викариям позволено иметь чувство юмора.

– О нет, – попытался объяснить Тайсон, – просто… конечно, я могу улыбнуться, но дело в том, что…

– Ты не в состоянии закончить ни одного предложения, – усмехнулся Райдер. – Да и ни к чему. Вряд ли мы услышим от тебя что-нибудь новое.

– Человек, посвятивший себя Богу, тоже может любить женщину, но особенной любовью. И у меня тоже есть возлюбленная, и вам это прекрасно известно!

– Господи Иисусе! – Райдер отвернулся, пытаясь скрыть душивший его смех. – Еще по глоточку, Дуглас?

– Нет, уволь, не знаю, откуда у нас взялось такое отвратительное бренди. – Он с сожалением посмотрел на Тайсона. Похоже, они переборщили со своими шутками. Бедняга воспринимает все слишком серьезно. Впалые щеки Тайсона стали пунцовыми от смущения. Дуглас попытался разрядить обстановку: – И кто эта девушка, Тайсон? Исходя из того, что ты – будущий викарий, я полагаю, что она не может быть ни актрисой, ни продавщицей.

– Нет. – Тайсон почувствовал, что ступил на твердую почву, и голос его окреп. – Ее зовут Мелинда Беатрис, она – дочь сэра Томаса Хардести.

Райдер выругался.

– Знаю я ее, Дуглас, у нее водянистые глаза, фальшивая улыбка и костлявая фигура. К тому же у нее два имени, и родители настаивают, чтобы к ней именно так и обращались. Два имени! По-моему, это уже слишком!

– Она станет прекрасной женой для служителя Божьего! – начал яростно защищать свою избранницу Тайсон, но резко остановился, увидев на лице Дугласа выражение, столь хорошо знакомое ему по покойному батюшке.

– Я правильно тебя понял, – голос Дугласа стал очень мягким, – что ты в свои двадцать лет пленился девушкой, которая подходит тебе по своему рождению и общественному положению, и намерен сделать ее своей женой? Мы говорим о Хардести из Блэстон-Мэнор?

– Да, – ответил Тайсон, – и мне уже скоро двадцать один.

– Ты молод и глуп, – сказал Райдер бесстрастно, отряхивая пыль с рукава. – Через месяц он уже забудет о ней, Дуглас. Помнишь, как это было с тобой, когда ты влюбился в дочь герцога? Когда же это было? Да, три года назад. Ты просто с ума по ней сходил! Тебя тогда ранило в плечо, и ты приехал домой. Постой, как же ее звали? Мелисанда, точно, теперь вспомнил. Ты помнишь, Дуглас?

Дуглас поднял руку, приказывая ему замолчать, и спросил:

– Ты уже говорил с сэром Томасом, Тайсон?

– Конечно, нет. Ведь ты глава семьи, Дуглас. Я должен был с тобой посоветоваться.

– Приятно, что ты об этом помнишь. А сейчас, пожалуйста, пообещай мне, что не станешь делать предложение сразу, как только твоя возлюбленная тебе улыбнется или на дюйм приоткроет свою ножку. Женщинам известна уйма способов поймать мужчину в свои сети, поэтому ты должен быть начеку. Договорились?

Тайсон кивнул, но тут же добавил:

– Мелинда Беатрис не такая, Дуглас. Она – добрая и честная девушка. Она распространяет вокруг себя такую чистоту и благонравие, что, я уверен, станет замечательной помощницей своему мужу. Она никогда… – Тут он заметил, что оба брата еле сдерживают смех. Глаза его сузились, спина выпрямилась, и он перешел на подчеркнуто официальный тон: – В сущности, я пришел сюда совсем по другому поводу. Тетя Милдред и дядя Альберт приехали и хотят говорить с тобой, Дуглас.

– Ха! Полку проповедников прибыло. Полагаю, что ты приказал слугам проводить их в комнаты, а сам тут же вызвался поискать меня, дабы ускользнуть от их расспросов.

– Ты правильно понял причину их визита. Я слышал, как они обсуждали дочь маркиза Дэкре, Джульетту. Тетя Милдред сказала, что это бриллиант чистой

воды и лучшей партии для тебя не найти.

Дуглас чувствовал, как в нем закипает раздражение, и потому счел за лучшее молчать.

– Господь наградит тебя долгими летами, – в голосе Райдера зазвучал пафос, – я очень уважаю тебя и всей душой благодарен Господу за то, что именно ты являешься четвертым графом Нортклиффом, шестым виконтом Хаммерсмитом и девятым бароном Сэндерлеем. Благодарю тебя, Господи, что меня миновала чаша сия.

– Я тоже уважаю тебя, Дуглас, – сказал Тайсон. – Из тебя получится прекрасный граф, виконт и барон, и я думаю, тетя Милдред и дядя Альберт придерживаются того же мнения. Вся семья сходится на том, что тебе следует жениться и…

– О, ну хоть бы ты оставил меня в покое! – Дуглас встал со стула. – Помолись за меня, братишка. Райдер, наша встреча была плодотворной. Я поговорю с твоим портным и попрошу его, чтобы он зашил тебе одно место в штанах.

– Смотри не напугай бедного Тинкера до смерти.

– Но не могу же я просить об этом горничных. Готов поклясться, что ты нарушишь наш договор, если кто-нибудь из них попытается сделать это, особенно если она будет молода и хороша собой.

– Бедный Дуглас, – сказал Райдер вслед удаляющемуся брату.

– О каком это договоре он говорил? – спросил Тайсон.

– Мы поклялись, что не тронем ни одной женщины из тех, кто нанимается работать к нам в дом. Когда ты избавишься от своей любви и твои мозги встанут на место, мы просветим тебя по всем этим вопросам.

Тайсон предпочел больше не вступать в спор. Надо быть выше этого. Скоро он станет викарием, его дела и помыслы должны быть возвышенными. К тому же он не мог припомнить ни одного случая, когда бы он победил в споре со своими братьями. Поэтому он только сказал:

– Кажется, эта девушка, которую хотят ему сосватать, действительно замечательная.

– Все они замечательные, пока не станут женами, – ответил Райдер, покидая гостиную.

В холле, облокотившись на испанский столик черного дерева, с невинным видом стояла Синджен и что-то насвистывала. Она умолкла, увидев, что Райдер ее заметил.

– Ну, как прошла встреча? – безразличным голосом поинтересовалась она.

– Держи свой язык за зубами, детка.

– Послушай, Райдер, мне и правда еще мало лет, но я ведь не глупая.

– Ну ладно, не обижайся.

– Как поживают твои возлюбленные?

– Прекрасно поживают, благодарю за заботу. Но тебя это не касается.

– Все, молчу. Не бойся, я не проболтаюсь. – Она послала ему воздушный поцелуй и направилась в сторону кухни, продолжая насвистывать. «Если ее переодеть, – подумал Райдер, – то ее вполне можно принять за мальчишку».

Глава 2

Граф перестал хмуриться. Но на душе у него было все же неспокойно, и его не отпускало предчувствие, что вот-вот что-то произойдет и это что-то вряд ли станет для него приятным сюрпризом. Он ненавидел такие предчувствия, так как начинал ощущать свою незащищенность и уязвимость, но и совсем отмахнуться от них тоже было бы глупо. Поскольку в правительстве царил разброд и этот чертов Эддингтон дергался, как обезглавленный петух, он

приписывал свое волнение событиям, связанным с Наполеоном.

Как и всякий англичанин, живущий на южном берегу острова, он опасался вторжения французов. Конечно, это было маловероятно с тех пор, как англичане контролировали канал, но надо быть полным дураком, чтобы пренебречь военным гением Наполеона и его намерением во что бы то ни стало захватить Туманный Альбион.

Дуглас слез со своего жеребца Гарта, рассеянно потрепал его по холке и подошел к обрыву. Прибой с шумом разбивался о скалы, и пенистые брызги разлетались на добрых тридцать футов вокруг. Он с наслаждением впитывал в себя морской воздух. Дул сильный порывистый ветер; он разметал его волосы и швырял в лицо песок и соленые брызги, от которых слезились глаза. День был облачным и серым, и потому сегодня отсюда нельзя было разглядеть французский берег, как это случалось в ясные дни. Тогда он мог видеть со своего наблюдательного пункта Булонь и бледную береговую линию, тянущуюся к северо-востоку в направлении Кале. Прищурившись, он всматривался в серую даль. Облака клубились, перегоняя одно другое, и сплошной завесой закрывали небо. Он не стал оборачиваться, услышав приближающийся стук копыт, и, даже когда лошадь встала за его спиной, не проявил интереса.

– Я так и думала, что найду тебя здесь, Дуглас. Все знают, где ты любишь прогуливаться, когда тебе надо что-то обдумать.

Он улыбнулся, обернувшись, чтобы поприветствовать сестренку, лихо сидевшую верхом на своей кобылке Фанни.

– Боюсь, мне не следует быть таким предсказуемым. Тебя что-то не было видно за завтраком, Синджен. Мама в очередной раз наказала тебя за нарушение этикета?

– Нет, я просто забыла о времени. Я изучала свою… – Она замолчала, легко соскользнула с седла и подошла к нему: высокая тонкая девушка с еще детскими чертами лица и пышными светлыми волосами, которые по утрам обычно были перехвачены лентой, но к обеду лента, как правило, была потеряна. Даже в такой серый, мрачный день ее ясные глаза не утратили своей голубизны и отражали быстрый ум и мягкий юмор. В роду Шербруков все дети имели голубые глаза и густые светлые волосы, хотя у Синджен они были

несколько светлее и казались наполненными солнечным светом.

Блондинами были все, кроме Дугласа. Он был совершенно другого типа. У него была внешность кельта – смуглый, темноволосый, с глазами черными, как грех, по определению его старой няньки. При взгляде на него в голову начинали приходить мысли о рогах, раздвоенных копытах и прочей дьявольщине.

Когда-то, еще будучи ребенком, он случайно подслушал, как отец обвинял его мать в измене. Ему и в самом деле не передались родовые черты, если судить по портретам и семейным записям. Дуглас помнил, как мать извинялась за то, что по прихоти природы она произвела на свет такого невероятного для Шербруков наследника. По словам Райдера, это именно его необычная внешность заставляет всех беспрекословно подчиняться ему и создает вокруг него ореол сурового и грозного хозяина.

Но сейчас, когда Дуглас смотрел на сестру, выражение его лица вовсе не было суровым. На ней были такие же, как у него, штаны из оленьей кожи, просторная белая блуза и жилет из тонкой светло-коричневой кожи. Их мать опять будет стонать, подумал Дуглас, если увидит свою дочь в таком наряде. Впрочем, у их матери всегда достаточно поводов для вздохов и стонов.

– Так что ты изучала?

– Не важно. Ты, кажется, снова чем-то обеспокоен?

– Всякий мыслящий человек будет обеспокоен, когда его правительство не заботится о безопасности своей страны. У Наполеона самые лучшие и обученные войска во всей Европе, и он твердо намерен разгромить нас.

– Это правда, что Фокс возвращается и может разбить Эддингтона?

– Я слышал, он болен, к тому же еще не пришло его время, чтобы занять позиции Эддингтона. Но намерения такие имеются, а решительности ему не занимать. Да ты, я вижу, разбираешься в ситуации не хуже меня.

Дуглас давно уже заметил, что по интеллектуальному развитию его сестра намного опережает сверстниц, но в последнее время он начал понимать, что она

куда образованнее большинства людей их круга. Чаще всего ее можно было найти в библиотеке. Главным увлечением Синджен была история. Она часами сидела над тяжелыми фолиантами в кожаных переплетах, а когда уставшие глаза переставали различать расплывающиеся строчки, вставала и, подойдя к окну, начинала мечтать. Место действия и эпохи менялись в зависимости от времени года и погоды за окном. Зимними вьюжными вечерами перед ее взором вставали величественные корабли викингов, отправляющихся в дальнее путешествие; веселая зеленая весна оживляла картины Древней Эллады – пение сирен, Олимпийские игры, смеющиеся боги; в жаркие летние дни она ощущала прохладу таинственных индийских храмов, а когда в саду загорались грозди рябины, в ушах у нее стоял рев трибун на испанской корриде и стук кастаньет.

Дуглас очень любил свою сестренку и знал, что, несмотря на юный возраст, она понимает его лучше всех.

– Ты ошибаешься, – отвечала она ему сейчас. – Ты столько всего повидал в Лондоне на прошлой неделе и говорил со столькими людьми. К тому же ты еще не рассказал мне, какие сейчас настроения в военном министерстве. Интересно, там знают, что ты вооружил всех наших арендаторов на фермах и большинство мужчин в деревне? И что ты постоянно проводишь с ними боевые учения? – Тут она сорвалась с вершин своей взрослой оценки и засмеялась совсем как девчонка, какой она, в сущности, и была. – Я чуть не умерла со смеху, когда мистер Далтон изображал, как он побьет лягушатников своей здоровенной дубиной!

– Лучше всего у него получались отступление и маскировка. Я бы с большим удовольствием занялся обучением его жены. Думаю, из нее получился бы неплохой солдат.

Внезапно Синджен сказала, отведя свои светлые голубые глаза:

– Прошлой ночью я видела Новобрачную Деву.

– Я слышал, как ты рассказывала подружкам. У тебя была очень благодарная аудитория, настолько доверчивая, что мне стало просто неловко за тебя. Моя дорогая девочка, я просто не могу поверить, что ты всерьез веришь в эту чепуху. Наверно, ты объелась репы за ужином и тебе привиделся кошмар.

– Я не спала. Я читала в библиотеке.

– Да? Если ты наткнулась на мои греческие пьесы, то мне остается только молиться, чтобы об этом не узнала мама. Мне страшно подумать о ее реакции.

Она снисходительно улыбнулась:

– Я прочитала их все еще два года назад, Дуглас.

– О Боже, мне следовало подумать об этом!

– Самой интересной была «Лисистрата», хотя я не понимаю, как женщины могли ожидать, что смогут заставить своих мужей прекратить войну, угрожая…

– Да-да, я знаю, – быстро перебил он, несколько смущенный, не зная, как себя вести дальше. Может быть, ему следует по-братски пожурить ее, но, в конце концов, он сам виноват, что позволил ей читать все подряд. Прежде чем он собрался с мыслями, Синджен задумчиво продолжила: – Когда я поднималась по лестнице где-то около полуночи, я увидела свет под дверью графини, соседней с твоей. Потихоньку открыв дверь, я увидела ее. Она стояла у кровати, вся в белом, и жалобно плакала. Она выглядела именно так, как я ее себе и представляла. Настоящая красавица. Ее длинные прямые волосы, словно сотканные из лунного света, спускались почти до талии и светились в темноте. Она повернулась, посмотрела на меня и почти сразу исчезла. Но я готова поклясться, что, прежде чем исчезнуть, она хотела что-то сказать мне.

– Да, конечно, все дело в репе. Очень похожие признаки. Пойми, дорогая, я не допущу никаких привидений в своем замке. Ни один разумный человек не может верить этим россказням.

– Это потому, что ты не видел ее сам и к тому же считаешь, что словам женщины не стоит доверять. Ты предпочитаешь все объяснять овощами.

– Уточняю – репой.

– Очень хорошо, но я действительно видела ее, Дуглас.

– Интересно, почему это ее видят только женщины?

Синджен пожала плечами:

– Не знаю, в действительности ли она является только женщинам. Все предыдущие графы писали о ней и говорили, что видели ее только женщины, но кто знает? Что касается моего опыта, то мужчины не желают признавать ничего, что выходит за рамки обыденного. Я думаю, они просто боятся выставить себя в глупом свете.

Дуглас вложил в свой голос весь сарказм, на который был способен:

– Что касается твоего опыта? Значит, ты утверждаешь, что Новобрачная Дева стояла у кровати, плача и проклиная свою нетронутую девственность и убиваясь по своему погибшему жениху? И ропща на судьбу за то, что так никогда и не стала женой и матерью?

– Возможно.

– Я думаю, что все обстояло иначе. Девица преспокойно снова вышла замуж, как только истек траур, и нарожала дюжину детей, как и полагалось в шестнадцатом веке, и умерла в положенный срок, беззубая и седая.

– Господи, в тебе нет ни капли романтики, Дуглас! – Синджен отвернулась, заметив кружившего над ними ястреба. Широко расправив крылья, он парил над утесами, высматривая добычу. Она снова повернулась к нему, на ее изогнутых губах блуждала рассеянная улыбка. В это мгновение в ней проступила будущая женщина, и Дуглас подумал, что через два-три года его сестренка разобьет немало сердец. – И все-таки я видела ее, Дуглас, и другие тоже. Одли Шербрук, первый граф Нортклифф, записал ее историю. Ей было всего восемнадцать лет, когда она вышла замуж. Но не прошло и трех часов после венчания, как ее муж был убит. Она любила его так сильно, что, когда ей принесли эту печальную весть, не смогла вынести мысли о жизни без него и покончила с собой. С тех пор ее стали видеть в замке. И даже отец писал о ней, ты же знаешь.

– Знаю, но можешь быть уверена, что я не напишу о ней ни строчки. Это все галлюцинации истеричных женщин. Можешь не сомневаться, что на мне эта история прекратится. А наши предки просто не знали, чем занять себя долгими

зимними вечерами, вот и рассказывали всякие небылицы, чтобы развлечь себя и своих соседей.

Синджен только покачала головой и дотронулась до рукава его пальто.

– Тебя не переубедить. Да, я тебе не говорила? Мои подруги – Элеонора и Люси Уиггинс – обе безумно в тебя влюблены. Они все время шепчутся о тебе и клянутся, что упадут в обморок, если ты хотя бы улыбнешься им.

Потом, после этого девчоночьего признания, она добавила:

– Я очень уважаю тебя, Дуглас, и знаю, что с твоим мнением считались в армии, а твой авторитет у нас дома не вызывает сомнений, но все-таки я видела Новобрачную Деву.

– Хотелось бы верить, и все же я склоняюсь к репе. Возможно, что свою роль сыграли и греческие пьесы. Ну а что касается Элеоноры и Люси, то еще немного, и предметом их вздохов и секретов станет Райдер.

Синджен с притворной серьезностью сдвинула брови.

– Дорогой, ты должен обещать мне, что Райдер не станет соблазнять их, ведь при их глупости это не будет для него трудной задачей.

Дуглас был сражен этим замечанием. Да, теперь очевидно, что он слишком халатно относился к ее воспитанию. И вообще, ему следует больше думать о своих обязанностях. Его предки проявляли чудеса изворотливости, лавируя в хитросплетениях политических интриг, чтобы сохранить и приумножить свои фамильные богатства. Они зарекомендовали себя истинными патриотами, проявили себя в дипломатии, верно служили королевскому трону, и поговаривали даже, что королева Анна была влюблена в младшего сына генерала Шербрука. И все они вместе способствовали процветанию и сохранению графства Нортклифф.

Оторвавшись от своих мыслей, он отошел от края обрыва, который был предательски скользким после недавнего шторма, и присел на холодный камень.

– Они не оставят тебя в покое, Дуглас.

– Я знаю, – ответил он, не пытаясь изображать безразличие. – Но, черт побери, они правы, а я – просто упрямый осел. В армии я хорошо усвоил одну вещь – сегодня ты есть, а завтра тебя может не стать. А потому мне нужно жениться и произвести на свет наследника. Я не вправе ставить свою свободу выше долга. Все, я наконец принял решение.

– Это было неизбежно, ведь именно твой сын должен стать следующим графом Нортклиффом. Я очень люблю Райдера, но он совершенно равнодушен к графскому титулу. Единственное, чего он хочет, – это всю жизнь смеяться и любить, а корпеть над счетами и разбираться с арендаторами – не его стихия. Серьезным его не назовешь. – Она покачала головой, подбрасывая камешек носком ботинка. – Но это касается лишь дел графства. В остальных вещах на него можно положиться.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

В ответ она только улыбнулась и пожала плечами.

В голове у него вдруг сложился четкий план дальнейших действий, который явился плодом размышлений всех последних недель. Он вдруг понял, на ком он женится. Райдер, сам того не ведая, случайно натолкнул его на эту мысль во время их последней встречи. Девушка, которой он был очарован три года назад, прекрасная и несравненная леди Мелисанда, дочь герцога Берсфорда. Она надеялась выйти за него замуж и в мечтах уже видела их имена, записанные рядом в церковной книге, как вдруг он внезапно покинул ее. Она была страшно оскорблена и расценила это как предательство. Но три года назад он был призван в армию, призван на войну с Наполеоном, призван спасти Англию.

Теперь он был призван спасти Нортклифф и сохранить род Шербруков.

– Я уже решил, кто станет моей невестой. Ее имя – Мелисанда, ей двадцать один год, она – дочь Эдуарда Чэмберса, герцога Берсфорда. Я встретил ее, когда ей было восемнадцать, но вскоре сбежал, так как не имел тогда желания жениться. Это было как раз тогда, когда меня ранили в плечо и я приехал домой в отпуск. Ах, Синджен, она была такой красивой, веселой и беззаботной, что я был без ума от нее. К тому же за ней стояло старинное и знатное имя Чэмберсов, хотя и

несколько подмоченное во времена ее деда и репутацией ее брата, который прославился на весь Лондон своим распутством и умением в мгновение ока спускать все деньги, оказавшиеся у него в кармане. Похоже, что линия Чэмберсов закончится на нем. Но Мелисанда унаследовала все лучшие черты своих предков. Конечно, приданого за ней почти не было, но мне тогда было все равно, я бы женился на ней, даже если бы она пришла ко мне в одной рубашке, но потеря свободы меня пугала.

– Я думаю, ты не должен так легкомысленно относиться к приданому, Дуглас. Мама всегда повторяет, что это главное основание для женитьбы. Возможно, что твоя Мелисанда и ждет тебя до сих пор. Я бы на ее месте ждала. Возможно, что никто так и не женился на ней из-за отсутствия денег, несмотря на ее красоту и происхождение. А может быть, она вышла замуж и теперь вдова? Ее мужа вполне могли призвать на военную службу, где он погиб. Это решило бы все твои проблемы.

Дуглас кивнул и улыбнулся такому решению проблем. Он чувствовал себя с сестрой очень легко, радуясь возможности поделиться с ней своими планами. Да, Мелисанда ему нравилась, он находил ее красивой, неглупой и обворожительно беззаботной. Она была изумительно сложена, и не было ни одного мужчины, который не мечтал бы заполучить ее в любовницы. Охотников жениться, как всегда, было меньше.

Синджен вывела его из задумчивости.

– Если Мелисанда все еще свободна, то тебе не обязательно ехать в Лондон на поиски подходящей невесты.

– Ты, как всегда, права, малышка. Сегодня же напишу герцогу Берсфорду, и, если Мелисанда до сих пор не замужем, я немедленно отправляюсь в Хэрроугейт и женюсь. Тратить время на приготовления не будем. Надеюсь, она понравится тебе, Синджен.

– Если она нравится тебе, то понравится и мне. Мама, конечно, будет против, но это не имеет значения.

– Да, мама наверняка воспротивится. Ты заметила, что она – единственная, кто никогда не изводил меня разговорами о женитьбе?

– Ей просто не хочется никому уступать свое место хозяйки дома. И хотя второе поместье Шербруков просто чудесное, она считает ниже своего достоинства переезжать туда.

– Иногда ты просто ужасаешь меня. – Он погладил ее растрепавшиеся на ветру волосы. – И все-таки ты хорошая девочка.

Она пропустила это замечание мимо ушей, возвращаясь к занимавшей ее теме.

– Ты знаешь, Дуглас, я все думала, почему Новобрачная Дева появилась именно сейчас, но теперь я понимаю. Мне кажется, она появилась потому, что знала о том, что ты собираешься жениться. Возможно, это предзнаменование; может быть, она пытается предупредить тебя или Мелисанду о чем-то, что может расстроить ваши планы, если вы не будете осторожны.

– Чепуха, – ответил он. – И все же ты хорошая девочка, даже если ты веришь в такую чепуху.

– «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам».

– Ах, Синджен, в таком случае мой ответ: «Уймись, уймись, смятенный дух».

– Иногда с тобой бывает очень трудно.

– Это оттого, что я тоже знаком с Шекспиром?

– Ты слишком приземленный, Дуглас, но, может быть, женившись, ты переменишься.

Дуглас подумал, что Мелисанда, конечно, может внушить пылкую страсть, но вряд ли стоит надеяться, что рядом с ней он воспарит душой. Но говорить об этом Синджен он не стал, пусть остается со своими иллюзиями. Вместо этого он сказал:

– Я думаю, вскоре ты сможешь проверить это на практике. А теперь нам пора домой.

Домой он вернулся в приподнятом настроении. Пока он стоял в холле, отдавая приказания дворецкому, на лестнице показалась леди Лидия, которая метала громы и молнии, требуя, чтобы Джоан немедленно поднялась к себе в комнату, сняла с себя все это в высшей степени несовместимое с ее полом одеяние и попыталась, хотя бы попыталась, выглядеть так, как полагается выглядеть молодой леди. А ее братья, вместо того чтобы пристыдить девчонку, только подначивают ее. И Дуглас, который должен быть примером…

– Насколько я понимаю, мы ждем гостей, мама? – спросил Дуглас, посылая Синджен соболезнующий взгляд.

– Да, и если Алджерноны… ты знаешь, как Алмерия строга к правилам хорошего тона, – если она увидит этого несносного ребенка в этих штанах, да еще с волосами, как у… – Она задохнулась, и Синджен быстро договорила за нее:

– Как у горгоны Медузы, да?

– Как у ведьмы, про которых пишут в твоих пыльных книгах! Ступай к себе, Джоан. И прошу тебя, Дуглас, не называй ты ее этим дурацким именем хотя бы при Алджернонах!

– Кстати, ты знаешь, мама, что Алджернон означает «человек с бакенбардами»? Это было прозвище Уильяма Перси, который носил бакенбарды в то время, как все джентльмены ходили гладко выбритыми, и он…

– Довольно! – властно приказала вдовствующая графиня Нортклифф, устав от этих пререканий. – Хватит умничать, юная леди. Сколько можно тебе повторять, что мужчины стараются держаться в стороне от умных женщин. Образованная женщина подавляет их собственные способности, а это, в свою очередь, заставляет их тянуться к бутылке, игорным домам и прочим порокам. И чтобы я больше не слышала этого имени – Синджен. Тебя зовут Джоан Элен Уинтроп Шербрук.

– Но мне больше нравится Синджен, мама. Райдер придумал так меня называть, когда мне было десять лет.

– Замолчи. Тебя зовут не Сент-Джон и не Сент-Джоан, Синджен – уменьшительное от мужского имени. Боже, тебе досталось это нелепое имя

только потому, что Тайсон вообразил тебя Жанной д’Арк…

– А следовательно, мученицей, следовательно, она стала Сент-Джоан[1 - Сент-Джон – святая Джоан.] и, наконец, Синджен.

– Я не позволю ей носить это имя! – повысила голос графиня, но Синджен уже убежала в свою комнату.

Дуглас тоже любил имя Синджен, но не стал спорить с матерью. В чем-то, возможно, она и права.

Дуглас поднялся в библиотеку, быстро написал письмо герцогу Берсфорду и тут же отправил его с посыльным. До тех пор пока он не получит положительный ответ, он не станет никому говорить о своих планах. На Синджен можно положиться, она никому не расскажет. Дуглас поймал себя на мысли, что доверяет сестре больше, чем братьям. Они, конечно, тоже умеют держать язык за зубами, но, когда выпьют, могут выболтать что угодно. Матери он тоже ничего не скажет. У них никогда не было душевной близости. Он готов был простить ей почти полное отсутствие интеллекта, но ее эгоизм, черствость, постоянная раздражительность и жестокость по отношению к слугам и даже к собственным детям сделали их совсем чужими людьми. Он догадывался, как тяжело было его отцу прожить жизнь рядом с такой женщиной, и отчасти пример его собственных родителей отталкивал его от женитьбы. Но что толку мучить себя этими мыслями, раз он не в силах ничего изменить.

Неужели Синджен права? Неужели и впрямь его мать была так тиха посреди этого натиска родственников, требующих наследника, оттого, что боялась уступить бразды правления другой женщине? Он попытался представить Мелисанду, требующую ключи от дома у его матери, но этот образ никак не складывался в его голове. Он пожал плечами: в конце концов, это не имеет значения.

И чем ей не нравится имя Синджен?

Глава 3

Клейборн-Холл, Уэзерби,

окрестности Хэрроугейта, Англия

– В это просто невозможно поверить, папа, – сказала Александра зазвеневшим от волнения голосом. Она никак не могла оторвать взгляд от простого листка бумаги, лежавшего на письменном столе ее отца. – Граф Нортклифф хочет жениться на Мелисанде? Ты уверен? Это Дуглас Шербрук?

– Да, это он, – ответил лорд Эдуард, герцог Берсфорд.

Он расправил письмо и еще раз вслух прочитал его младшей дочери. Когда он закончил и снова посмотрел на нее, в какое-то мгновение ему показалось, что ей нехорошо. Она выглядела страшно бледной, но, возможно, это объяснялось игрой ярких лучей солнца, заливавших светом всю библиотеку.

– Твоя сестра будет на седьмом небе от счастья, – сказал он, – особенно принимая во внимание то, что Оглеторп исчез четыре месяца назад, так и не сделав решительного шага. Это предложение прольет бальзам на ее раненую гордость. Что до меня, то я готов хоть сейчас раскрыть объятия графу и плакать на его груди. Силы небесные, деньги, которые он предлагает, спасут меня от долгов. Сверх этого он обещает еще солидное обеспечение.

Александра опустила взгляд на свои стиснутые руки с побелевшими костяшками пальцев.

– Мелисанда мне рассказывала, как он ухаживал за ней три года назад. Она сказала, что он ей нравился, но на свое предложение получил решительный отказ. Он умолял ее, но она считала, что его будущее слишком неопределенно. Хотя он и был главным наследником, но его отец был тогда еще жив. К тому же Дуглас не собирался отказываться от армии, а это означало, что его могут убить, и тогда наследником после смерти отца станет его брат. Если это случится, она останется ни с чем. Лучше уж быть красивой дочерью бедного отца, чем бедной женой погибшего мужа – таково было ее решение.

– Она действительно так сказала тебе, Аликс? – Брови герцога поползли вверх.

Александра кивнула и отвернулась к окну. Это окно никогда не закрывали шторами, в любую погоду, так как отец находил замечательным вид, который открывался отсюда. Это было постоянной причиной жалоб матери, убеждавшей его, что от прямых солнечных лучей выгорают ее обюссонские ковры и бог знает сколько денег стоит заменить их, а он сам все время говорит, что денег нет, и все в том же роде. Но герцогу легче было терпеть нападки жены, чем отказаться от такого чудесного пейзажа.

Аликс медленно произнесла:

– Значит, теперь Дуглас Шербрук – граф Нортклифф и хочет приехать сюда и жениться на ней.

– Да, и я готов дать ему согласие немедленно. Брачный контракт, полагаю, тоже не займет много времени. Слава Богу, что он так богат. Шербруки всегда умели распорядиться деньгами, никогда не расточали их на излишества и всегда заключали браки, которые пополняли их казну и укрепляли положение. Конечно, женитьба на Мелисанде не принесет ему ни пенни, наоборот, он сам выплатит мне за нее солидные деньги. Но видно, он и вправду не на шутку влюблен в нее. К счастью для нас, несмотря на все ее совершенства, она так до сих пор и не вышла замуж. А ты меня удивила своим рассказом о ней. Похоже, она рассудительнее, чем я думал.

– Полагаю, что так. Я помню, как он приезжал к нам. Он добрый и очень милый.

– Горячая голова. Он был наследником Нортклиффа и отказался откупиться от армии. Теперь-то это не имеет значения. Он остался жив, стал графом, и отныне все будет совершенно по-другому. Все Шербруки были за тори, по-моему, аж со времен Всемирного потопа, и этот граф скорее всего тоже. Говорят, он весь в отца – у него такой же трезвый ум и блестящие способности. Ну да все это не важно. Я думаю, мне следует поговорить с твоей сестрой.

Он помолчал немного, глядя на тонкий профиль дочери. «Чиста и невинна, – подумал он, – но в гордой посадке головы и ясных серых глазах чувствуется незаурядная сила воли». У нее был прямой тонкий нос, высокие скулы и нежно очерченный подбородок. Весь ее облик производил впечатление податливости и покорности, но герцог по своему опыту знал, что это впечатление обманчиво. Странно, но, казалось, она сама не осознавала своей силы, даже когда спорила с

ним. Ее густые волосы любимого Тицианом оттенка были зачесаны назад, открывая маленькие уши и стройную шею. Не обладая необычайной красотой Мелисанды, она была тоже по-своему очень мила, а природные доброта и ум сделали ее любимицей всего дома. В отличие от своей сестры Александра была более ответственной и никогда не требовала от отца больше, чем он мог ей дать. И снова герцога кольнуло чувство, что она чем-то расстроена, и он задался вопросом, что могло послужить тому причиной.

После некоторого молчания он сказал:

– Я сообщил тебе об этом первой, Аликс, потому что хочу знать твое мнение. И хотя твоя мать полагает, что ты должна быть тихой и незаметной тенью Мелисанды, я считаю иначе и хочу знать, что ты думаешь по поводу этого предложения.

Заметив, как задрожали ее руки, он подумал, что герцогиня, наверное, опять расстроила ее своими нелестными сравнениями со старшей дочерью. Он пристально всмотрелся в ее лицо.

– Что тебя беспокоит, моя дорогая?

– Ничего, папа. Это просто…

– Что?

– Я не уверена, что Мелисанда захочет выходить сейчас замуж. Она хочет насладиться предстоящим сезоном, ведь мы собирались на следующей неделе в Лондон. Возможно, она предпочтет подождать, не подвернется ли ей кто-то еще. Когда Оглеторп оставил ее, она сказала, что даже рада этому, что пусть он лучше держится за юбку своей матери, чем за ее. И в этом сезоне она рассчитывает взять реванш.

– Да, твоя сестра права, этот парень не стоил ее, – вздохнув, сказал герцог. – Но ты же знаешь, Аликс, деньги играют огромную роль в любом деле. Наша семья еще никогда не была в таких стесненных обстоятельствах, а расходы на содержание дома на Карлион-стрит в Лондоне, на платья твоей сестры и матери во время сезона могут нас просто разорить. Я собирался пойти на это, считая это вложением денег, которое окупится замужеством твоей сестры. Но тогда я не

видел другого выхода. Теперь все меняется. Предложение графа Нортклиффа избавляет нас от необходимости ехать в Лондон на предстоящий сезон. И мне не придется нести все эти непомерные расходы.

Конечно, герцог понимал, что, отказавшись везти в Лондон Мелисанду, он также лишает и Александру ее первого выхода в свет. Но во что это обойдется? Он спрятал лицо в ладонях. Что делать? Он снова заговорил, скорее для самого себя, чем для дочери:

– Ведь есть еще твой брат Реджинальд, мой двадцатипятилетний наследник, который не пропускает ни одного злачного места в Лондоне, пускает на ветер все деньги, которые я ему посылаю, задолжал всем лучшим лондонским сапожникам, портным, галантерейщикам и в то же время дарит драгоценности своим бесчисленным любовницам. Боже, ты не представляешь, сколько денег он заплатил за рубиновый браслет, который подарил какой-то оперной певичке! – Он покачал головой. – Ах, Аликс, я так долго сводил концы с концами, что больше не могу нести этот груз на своих плечах. Ты знаешь, как я пытался убедить твою мать быть экономнее, но она и слушать ничего не хочет. Каждый раз, как я завожу об этом разговор, она заявляет, что мы просто не можем себе позволить экономию, если не хотим, чтобы с нами перестали считаться. Она говорит, что в каждом порядочном доме за обедом должно быть как минимум три перемены блюд. То же и с Мелисандой. Ты, конечно, всегда понимала трудность нашего положения, но, к сожалению, от тебя здесь ничего не зависит. А Реджинальд – шалопай, и, по правде говоря, у меня мало надежды на то, что он исправится.

Он снова замолчал, и слабая улыбка тронула его губы. Бог наконец услышал его молитвы. Он спасен. У него появилась надежда, и он не собирался позволить Мелисанде покачать своей прекрасной головкой и заявить, что это предложение ее не интересует. Если она станет противиться, нескольких дней под замком на хлебе и воде будет достаточно, чтобы сделать ее послушной.

– О чем ты задумалась, Аликс? Ты очень расстроена из-за предстоящего сезона? Ты ведь разумная девушка и должна понимать, что у нас нет денег…

– Все правильно, папа, – сказала Александра, улыбнувшись. – Мелисанда такая красивая, блистательная и веселая, такая естественная в своем веселье. В любом случае рядом с ней на меня вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание, так что не важно, что я не поеду в Лондон. Я говорю правду, папа. Меня пугает

мысль оказаться вдруг под пристальными взглядами стольких людей. Я все время буду бояться сделать что-то не так. Мама говорит, что никакими белилами не замазать моего румянца, а насколько я поняла, здоровый цвет лица в высшем свете вызывает в лучшем случае недоумение. Так что лучше уж мне остаться. И не беспокойся за меня. Я и здесь смогу неплохо провести время. Существует масса других занятий, помимо светских раутов, балов и венецианских завтраков.

При этом Александра умолчала, как ужасающе короток был список этих «других занятий» в их глуши.

– Как только Мелисанда выйдет замуж за графа, она, конечно, сразу постарается выполнить свой долг по отношению к тебе и будет вывозить тебя повсюду. Графиню Нортклифф будут приглашать на все светские мероприятия, и там ты сможешь познакомиться с молодыми людьми. Так должно быть, и так будет. У тебя появится прекрасная возможность выбрать себе достойного мужа.

– Меня не очень-то привлекают молодые джентльмены, папа.

– Ерунда. Просто у тебя здесь слишком маленький круг знакомых, да и те, что есть, смотрят только на твою сестру, и из их голов вылетает даже то немногое, что в них было. Но это не значит, что ты должна недооценивать себя. Ты очень привлекательная девушка и думаешь не только о лентах и побрякушках…

– Поскольку я не красавица, мне приходится взращивать другие сады, папа.

– Ты, кажется, перефразировала Вольтера?

– Это не игра слов, папа. Все так и есть на самом деле.

– Говорю же тебе, Аликс, ты и вправду очень мила. Надеюсь, ты не имеешь ничего против своих великолепных волос? Они в точности того же оттенка, что у меня в молодости.

Она улыбнулась на это, и герцог подумал, что не стоит все усложнять. Теперь все должно пойти прекрасно. Граф Нортклифф предложил спасти его от неминуемого финансового краха и одновременно избавить от старшей дочери. Такое стечение обстоятельств могло порадовать любого отца.

– Надеюсь, на этот раз Мелисанда не откажет Дугласу Шербруку, – сказала Александра. – Граф – очень хороший человек, и я буду рада, если он получит то, что хочет. – Ее пальцы нервно перебирали складки бледно-желтого муслинового платья, когда она, опустив глаза, тихо добавила: – Он заслуживает счастья. Дай Бог, чтобы Мелисанда позаботилась о нем и сделала его счастливым.

«Ну, вот уж на это не стоит надеяться», – подумал про себя герцог. Он мог представить, как Мелисанда будет радовать своим присутствием будущего мужа, но только до тех пор, пока он не выразит в чем-либо несогласие с ней или, не дай Бог, откажет в чем-то. Мысль о том, что за этим последует, заставила его вздрогнуть. Ну, его это не должно волновать. Теперь это будет заботой графа. А он может только помолиться за него.

– Я скажу Мелисанде, чтобы она зашла к тебе, папа.

Герцог посмотрел вслед удаляющейся дочери. И все-таки что-то здесь не так. Он хорошо изучил ее, она была его любимицей, с ней он отдыхал душой и сердцем. Ему вспомнились ее внезапная бледность и дрожание рук. Неожиданная догадка вдруг пронзила его мозг – неужели ей самой небезразличен Дуглас Шербрук? Он покачал головой, припоминая, что они познакомились три года назад. Тогда Александре было только пятнадцать и она была застенчивой толстушкой с туго заплетенными косичками. Нет, она была слишком мала. Если у нее и возникли тогда какие-то чувства к графу, это было не больше чем детское увлечение. И все же ему в голову закралось сомнение в правильности того, что он делает.

Но выбора нет. Само небо послало ему спасение, и было бы глупо отказаться от него из-за каких-то смутных подозрений. Если у Александры действительно сохранились какие-то чувства к графу, что ж, ему очень жаль, но он не может и не станет менять свои планы. Если граф хочет жениться на Мелисанде, он получит ее. Герцог сел за стол и приготовился к разговору со старшей дочерью.

Он не обманулся в своих ожиданиях. Разговор с Мелисандой протекал в точности так, как он и предполагал. После оглашения содержания письма она в течение двух минут изображала высшую степень возмущения. Ее щеки вспыхнули, а глаза, голубые, как озерная вода в Патли-Бридж поздним летом, гневно сверкали. Обрамлявшие ее лицо природные локоны, черные, как ночное беззвездное небо, вздрагивали в такт ее прерывистому дыханию. Она сделала еще один глубокий вдох, еще раз тряхнула локонами и почти закричала:

– Немыслимо! Он думает, что ему достаточно поманить меня пальцем после трех лет – трех лет! – полного молчания и я как ни в чем не бывало помчусь к нему и позволю ему делать со мной все, что он хочет!

Герцог понимал ее возмущение. Он знал, что ее гордость была задета, а гордость Чэмберсов была их фамильной чертой. Он также знал, что с ней можно поладить, если отнестись с пониманием к ее чувствам.

– Мне очень жаль, дорогая, что он так обидел тебя три года назад. Но прошлого не изменишь. Я знаю правду, и она очень сильно отличается от той трогательной истории, которой ты одурачила свою наивную сестру. Но теперь это не имеет значения, и я не собираюсь раскрывать твоей тайны. Перед своим отъездом три года назад граф говорил со мной, предельно ясно объяснив мне мотивы своего поступка. Но, как видишь, последнее слово в конце концов осталось за тобой. Именно ты, а никакая другая женщина завладела его сердцем, и теперь он предлагает тебе руку и сердце, и в твоей власти принять эту руку или разбить это сердце.

Глядя на Мелисанду, герцог в который раз подивился, что это его родная дочь. Бесспорно, она была самым красивым существом человеческого рода, которое он когда-либо встречал. Ее исключительная красота была заметна уже в детстве, и Мелисанда росла страшно избалованной. Герцог понимал, что домашние, балуя ее и потакая ей во всем, только портят девочку, но и сам был не в силах противиться ее обаянию. Он не мог возразить жене, когда она спрашивала, почему бы девочке не иметь все, что она хочет. И правда, она была так красива, так совершенна, что заслуживала всего. Юдит также считала, что Мелисанды достоин лишь герцог, а не какой-то граф, хотя бы и самый богатый во всей Англии. Но герцогов было не так много – один стоял на краю могилы, а другой еще не достиг совершеннолетнего возраста.

Герцог смотрел на дочь, подыскивая слова, которые залечили бы ее оскорбленное достоинство и потешили тщеславие.

– Ну так вот, – сказала она после нескольких минут молчания. – Ну так вот, он хочет слишком многого. Я не выйду за него, папа. Ты должен написать ему и поставить в известность его высочество, что я нахожу его отталкивающим, таким же отталкивающим, как жаба, каким был и Оглеторп. Я не выйду за него, я выйду замуж за другого. – Она остановилась, переводя дыхание и прижимая свои нежные руки к щекам. – О, папа, а что, если он думает, будто разбил мне

сердце три года назад и именно поэтому я до сих пор не вышла замуж? Что, если он решил, будто все эти годы я страдала по нему? О, я не перенесу этого, папа, просто не вынесу! Боже, что мне делать?

«Проклятая гордость, – думал тем временем герцог. – Нечего упрекать теперь девочку, раз я сам так воспитал ее». Неожиданно его осенило, и он улыбнулся про себя.

– Бедняга, – сказал он с горечью, покачав головой.

– Кто бедняга? – резко повернулась к отцу Мелисанда.

– Как кто? Граф, конечно. Человек, который мечтал о тебе целых три года и страдал гораздо больше, чем ты. Он безумно хотел жениться на тебе, Мелисанда, но он понимал свой долг перед Англией и не мог отказаться от него даже ради тебя. Это было делом чести. И ты не должна винить его за это. Он так страдает по тебе, он склонился перед тобой, умоляя о прощении. Он будет просто убит, если получит от тебя отказ. Ты не можешь отказать ему, девочка.

Герцог не собирался говорить дочери, что граф покинул армию десять месяцев назад и все это время и не вспоминал о ней. Она вправе задуматься, что же это за любовь, узнав, что он свободен уже целый год.

– Он тогда словно обезумел, – медленно сказала Мелисанда. – Даже если и допустить, что он посвятил себя выполнению этого абсурдного долга перед родиной, все равно он вел себя очень странно.

– Он – граф Нортклифф, и его поместье – одно из самых больших в Англии.

– Да, это правда.

– У него есть богатство и положение. С его мнением считаются в правительстве. Я слышал, он до сих пор является консультантом в военном министерстве и дает советы даже Эддингтону. Человеку с таким положением просто необходима жена с твоей грацией и умом, чтобы помочь ему в выполнении светских обязанностей. К тому же его считают красивым мужчиной, и, насколько мне известно, он пользуется большим успехом в лондонских гостиных.

– У него слишком черные волосы. И могут быть волосатыми руки. Мне не нравятся такие мужчины.

– Три года назад он тебе нравился.

– Возможно, но я была в то время еще слишком молода. Он выглядел очень суровым тогда, а сейчас, наверное, еще больше. Я никогда не видела его смеющимся, он даже улыбался редко. Я не люблю таких серьезных мужчин.

– У него было ранение, если ты помнишь, и он страдал от сильных болей.

– Да нет, в любом случае в нем нет ни проблеска юмора. Странно, что тогда я не придала этому значения.

– Прости, дорогая, но я не могу поверить, что он был так уж суров. Я прекрасно помню, как он восхищался тобой. Да он просто дня не мог прожить, не увидев тебя. Никто не мог этого не заметить.

Это было правдой, но герцог также знал, что, пробудь граф в обществе его дочери чуть дольше, очень скоро шоры упали бы с его глаз. Герцог всей душой надеялся, что они успеют пожениться прежде, чем это случится.

– Его любовь была не столь заметна, как его преданность стране!

– Теперь он предан только тебе, своей будущей жене. Ты умная девушка, Мелисанда. И я не сомневаюсь, что с таким преданным мужем ты сможешь устроить свою жизнь так, как тебе нравится. Ах, вообрази, как ты будешь блистать в лондонском обществе под именем графини Нортклифф!

Герцог остановился, чувствуя, что семена брошены в землю и как следует обработаны. Осталось только ждать, когда они дадут всходы. Возможно, он даже несколько переусердствовал. Если же все его старания не принесут желанных плодов, то, как это ни грустно, придется применить более решительные меры.

Она выглядела очень задумчивой. Это обстоятельство насторожило герцога, так как на то должны были быть достаточно веские причины. Опасаясь нанести

малейший ущерб своей внешности, она обычно избегала умственного напряжения, от которого на ее мраморном лбу могли появиться морщины. Слава Богу, скоро все ее страсти, вздохи, обиды и доводившие его до изнеможения вспышки гнева станут предметом забот другого мужчины. Это, конечно, нелегкий груз, но зато этот человек получит в жены самую прекрасную женщину в Англии.

Герцог задумался, достаточно ли этого для счастья. Он симпатизировал графу Нортклиффу и считал его неплохим человеком. Он не находил графа таким уж серьезным и суровым, как характеризовала его дочь. Напротив, время от времени до него доходили слухи, что граф не чужд никаких человеческих радостей и умеет неплохо повеселиться в компании повес, хотя и не афиширует этого, как всякий умный человек.

Нет, такой шанс выпадает только раз в жизни, подумал герцог. И он его не упустит. Его дочери не на что жаловаться. Она выйдет замуж за молодого, красивого и богатого графа, а семья будет спасена от разорения.

Глава 4

– Ну, что ты скажешь на это, Аликс? Выходить мне за Дугласа Шербрука?

Зачем, думала, глядя на сестру, Александра, люди всегда притворяются, будто интересуются чужим мнением? Почему-то она располагала людей к тому, чтобы поверять ей свои самые сокровенные тайны и спрашивать ее мнение, но, конечно же, она никогда не ожидала, что кто-нибудь станет следовать ее советам.

Подняв голову, она произнесла ясным, чистым голосом:

– Я думаю, Дуглас Шербрук достоин самой красивой женщины в мире.

Мелисанда, носившаяся по своей спальне будто молодой жеребенок, встала как вкопанная.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что Дуглас Шербрук…

– Это я уже слышала! Значит, если бы я решила выйти за него, ты была бы этому рада?

Александра задумчиво смотрела на сестру.

– Надеюсь, Дуглас Шербрук не обманется в своих ожиданиях.

Мелисанда уже почти убедила себя в том, что предложение графа – это как раз то, что ей нужно, как в комнату, словно маленький смерч, влетела их мать. Леди Юдит, с красными пятнами на впалых щеках, всплескивала руками и кричала:

– Твой отец только что сказал мне, что выдает тебя замуж за графа Нортклиффа на следующей неделе, если успеет все устроить. И это означает, что мы не поедем в Лондон! Ах, он просто невозможен! Что же нам делать?

– Ты же знаешь, мама, – мягко вступилась за отца Александра, – у нас не так много денег. Мы не можем позволить себе провести этот сезон в Лондоне.

– Чушь! У него вечно одни и те же жалобы. Я хочу поехать в Лондон. А что касается тебя, моя девочка, то ты должна подыскать себе мужа, а надеяться, что кто-нибудь, слоняясь вдоль ограды нашего сада, увидит, как ты поливаешь свои цветочки, и влюбится в тебя, пустая затея. Но как только твоя сестра сделает свой выбор, молодым людям придется смириться с тем, что Мелисанда теперь для них недоступна, и тогда их взгляды обратятся на тебя. Твой отец вечно жалуется, что у него нет денег, и тем не менее они всегда находятся. Их нет только для вашего бедного брата, которому ваш отец не желает выплачивать содержание, позволившее бы ему вести образ жизни, соответствующий его положению. Это просто позорно, и именно так я всегда говорю его милости.

– Что папа сказал? – спросила Александра, когда леди Юдит остановилась передохнуть.

– Он сказал, чтобы я занималась своими делами и не вмешивалась.

Александра удивилась тому, что отец поделился с матерью своими планами насчет замужества Мелисанды, но решила, что его вынудили к этому какие-то новые обстоятельства. Заметив, что мать и сестра полностью погрузились в обсуждение предстоящих событий, она тихо вышла из золотисто-кремовой спальни сестры. Ее уход был оставлен без внимания.

Александра не сомневалась, что Мелисанда согласится выйти за графа. Она знала, что в тот день, когда это случится, ей бы хотелось оказаться на другом конце света, чтобы не видеть, как они вместе войдут в церковь и встанут перед алтарем. Ей не вынести этого. Но не было никакой надежды этого избежать, ей придется быть здесь, улыбаться и приветствовать графа в качестве мужа своей сестры. Ей предстоит смотреть, как они стоят у алтаря и граф произносит слова, которые навсегда отнимут его у нее.

В свои восемнадцать лет Александра поняла, что жизнь далеко не всегда преподносит то, что хотелось бы, и смирилась с этой мыслью.

* * *

Нортклифф-Холл

Дуглас никак не мог в это поверить, это просто не укладывалось у него в голове. Он переводил взгляд с письма от герцога Берсфорда на коротенькую записку, только что доставленную посыльным. Записка была отправлена сегодня утром лордом Эйвери, и посыльный ждал сейчас на кухне ответа графа, отдавая должное старому элю из его подвалов.

Он снова перечитал письмо герцога. Разумеется, ответ был положительным, герцог поздравлял его с вступлением в должность жениха, но за церемонными фразами граф без труда угадал безумную радость отца, удачно пристроившего дочь. В письме содержалось предложение обвенчаться на следующей неделе в Клейборн-Холле в старинной норманнской церкви, которая находилась в деревушке Уэзерби. Через семь дней герцог станет его счастливым тестем. Естественно, источником счастья будет не сознание бесспорных достоинств

будущего зятя, а количество гиней, которое перетечет в карман герцога в результате этой сделки.

Граф отложил письмо и вновь перечитал записку лорда Эйвери. В ней ему предписывалось немедленно выехать во Францию, в Итапль, под видом простого французского солдата. Там ему следовало ожидать инструкций Джорджа Кадоудэла и в дальнейшем действовать в соответствии с ними. От него требовалось освободить французскую девушку, которую против ее воли удерживал один из французских генералов. Больше в записке ничего не было, никаких имен и подробностей. Лорд Эйвери также добавлял, что, если Дуглас откажется от этого задания, для Англии будет потерян ее лучший шанс уничтожить Наполеона, так как мозговым центром всей операции является Джордж Кадоудэл. Лорд Эйвери рассчитывает на Дугласа. Англия рассчитывает на Дугласа. Чтобы до конца прояснить этот вопрос, в заключение лорд Эйвери писал: «Если Вы не освободите эту несчастную девушку, Кадоудэл откажется от руководства операцией. Он настаивает на Вашей кандидатуре, Дуглас, но не хочет объяснить почему. Возможно, Вы сами знаете ответ. Мне известно, что в прошлом вы встречались. Вы должны согласиться, и я уверен, что Вы добьетесь успеха, Нортклифф, иначе и быть не может. Судьба Англии в Ваших руках».

Дуглас опустился на стул и рассмеялся. «Одновременно я должен жениться и ехать во Францию». Он засмеялся еще громче.

Так как же все-таки быть? Ехать во Францию и освобождать любовницу Кадоудэла, коей она, несомненно, являлась, или счастливым женихом отправляться в Клейборн-Холл?

Дуглас ударил кулаком по столу. Господи, ну почему в жизни всегда все так непросто? Он несет ответственность за судьбу Англии? Да, черт возьми!

Он подумал о Джордже Кадоудэле, радикальном лидере королевских шуанов. Его последняя попытка разгромить Наполеона была предпринята в декабре 1800 года, за ней последовали взрывы в Париже, в результате которых погибло двадцать два человека, было ранено больше пятидесяти, но ни один из этих взрывов не причинил ни малейшего вреда самому Наполеону или кому-либо из его окружения. Джордж Кадоудэл был опасным человеком, который страстно, всей душой ненавидел Наполеона и жаждал возвращения Бурбонов на французский трон; ради достижения этой цели он не стоял за ценой, будь то чья-то жизнь или деньги. Но очевидно, жизнь этой девушки он ценил очень

высоко, так высоко, что готов был отказаться от сотрудничества с Англией, если она не поможет ему в ее освобождении.

Дуглас был действительно знаком с Кадоудэлом, тот видел, как несколько лет назад он выдавал себя за француза в Париже, выполняя секретное задание, и знал, что свою миссию он выполнил тогда весьма успешно. Но почему он так настаивал именно на его кандидатуре, оставалось для Дугласа загадкой, по крайней мере до тех пор, пока он не прибудет в Итапль. Главное сейчас было то, что вся операция поставлена под угрозу из-за того, что любовница Кадоудэла находилась в заключении.

Когда Холлис бесшумно вошел в библиотеку, Дуглас не сразу обратил на него внимание. Холлис был дворецким Шербруков вот уже тридцать лет. Выглядел он настолько респектабельно, что вполне мог сойти за какого-нибудь пэра. Однажды, много лет назад, когда Дуглас был еще молодым и гордым, как петух, и страшно ревниво относился ко всему, что касалось его особы, один из друзей пошутил, что он больше похож на своего дворецкого, чем на собственного отца. Дуглас в ответ сровнял шутника с землей.

Холлис слегка покашлял. Граф обернулся, приподняв бровь в немом вопросе.

– Только что прибыл ваш кузен, милорд, лорд Рэтмор. Он просил вас не беспокоить, но, зная, как его милость не любит ждать, я все-таки решился доложить вам.

– И правильно сделал. Он не выдержит в одиночестве и пяти минут. Сидеть тихонько в уголке и ждать, пока кто-то покончит со своими делами, может кто угодно, только не Тони. Я сейчас спущусь к нему. Интересно, зачем он приехал? Ведь не за тем же, чтобы тоже заняться моим сватовством.

– Возможно, и нет, милорд. Позволю себе заметить, что его милость выглядит несколько удрученным. Возможно, он болен, я имею в виду не физическое недомогание, а некую расстроенность чувств. Зная наклонности его милости, осмелюсь предположить, что это связано каким-то образом с прекрасным полом, – отведя глаза в сторону, сказал дворецкий и тихо добавил: – С женщинами всегда все связано, даже не будь этих наклонностей.

– Дьявол, – в сердцах произнес Дуглас, вставая из-за стола. – Я увижусь с ним.

Он снова задержал взгляд на двух листках бумаги. Посыльный может немного подождать. Ему надо еще подумать, взвесить все за и против, в конце концов, ему просто необходимо какое-то время, чтобы на что-то решиться. А сейчас ему нужно повидаться с Энтони. Дуглас был очень привязан к своему кузену. Энтони Колин Сент-Джон Пэриш, виконт Рэтмор, был сыном двоюродного брата его матери. Со времени их последней встречи прошло уже как минимум полгода.

Едва бросив взгляд на своего дорогого кузена, Дуглас понял, что у того неприятности. Вид его явно оставлял желать лучшего. Похоже, он находился в страшной депрессии, как и говорил Холлис.

Дуглас пересек маленькую гостиную, осторожно прикрыл дверь и запер ее на ключ.

– Ну, Тони, – сказал он без всякого вступления, – выкладывай. Что стряслось?

Тони Пэриш, виконт Рэтмор, оторвал взгляд от окна и посмотрел на брата. Он машинально расправил плечи и попытался улыбнуться. Попытка вышла не особенно удачной, но Дуглас оценил его усилие и мягко повторил:

– Так что случилось, Тони?

– Холлис уже доложил о своих впечатлениях?

– Да. Расскажи мне.

– Ему следовало пойти в священники.

– Только слепой не заметит твоего состояния. К тому же он тебя очень любит. Ну не тяни, Тони, рассказывай.

– Ну хорошо, если тебе так хочется знать, в чем дело, то я больше не помолвлен. У меня больше нет невесты. Меня предали. Я остался один и поплыл по течению. И вот я здесь.

Неужели Холлис никогда не ошибается? Дуглас не мог поверить в такую проницательность.

– Ты хочешь сказать, что Тереза Карлтон расторгла вашу помолвку?

– Конечно, нет. Не прикидывайся простаком. Инициатива была моей. Я обнаружил, что она спит с одним из моих друзей. Ха! Друзей! Проклятие! Ты можешь такое представить, Дуглас? Женщина, которая собиралась замуж за меня – за меня! – которая должна была стать моей женой и родить моих детей. Я выбирал ее с такой тщательностью, я оберегал ее как драгоценный бутон, который расцветет под моим присмотром, я был так внимателен к ней, так уважал ее, я не позволял себе с ней ничего, кроме невинных поцелуев, и все это время она была любовницей моего друга. Это немыслимо, Дуглас, непереносимо.

– Ты не должен быть к ней так суров, Тони, – спокойно заговорил Дуглас, – ведь она была замужем и осталась вдовой. Осмелюсь предположить, что ты тоже все это время не постился, и я не уверен, что какая-нибудь из твоих любовниц не была подругой Терезы.

– Это совсем другое дело, и ты знаешь об этом, черт тебя подери!

– Другое для тебя, но… – Дуглас не стал продолжать. – Так значит, все кончено? И ты теперь свободный мужчина? Ты окончательно разорвал помолвку или собираешься зализать свои раны и после долгих размышлений простить неверную?

– Нет, к прошлому возврата не будет. Изменщиц следует убивать за их коварство! Наставить мне рога, Дуглас, мне!

– Вы еще не были женаты, Тони.

– Это почти одно и то же. Я до сих пор не могу прийти в себя, Дуглас, до меня просто не доходит, что такое могло произойти. Как она могла так поступить со мной?

Его кузен, подумал Дуглас, слишком высокого мнения о себе, впрочем, как и все мы. Насколько он помнил, еще ни одна женщина не обманывала Тони. Как

правило, это он оставлял их как ни в чем не бывало, беспечно смеясь. Так же поступал и его родной брат Райдер. Но все изменилось, когда Тони встретил Терезу Карлтон, которая по одному Богу ведомым причинам так околдовала его, что не прошло и недели, как он сделал ей предложение, забыв все свои холостяцкие убеждения. Затем она стала играть по тем же правилам, что и Тони. Удар по его самолюбию был страшным. Неудивительно, что земля закачалась у него под ногами.

– Я не могу сейчас вернуться в Лондон, потому что там я снова увижу ее, и тогда я за себя не ручаюсь. Мне нужно немного пожить в деревне, чтобы обрести душевное равновесие, до тех пор пока ко мне не вернется мое обычное хладнокровие. В Лондоне за это время тоже слегка позабудется вся эта позорная история. Не возражаешь, если я поживу у тебя немного?

Решение всех его проблем пришло к Дугласу столь неожиданно, приезд Тони оказался настолько кстати, что он не выдержал и рассмеялся:

– Тони, ты можешь здесь оставаться хоть до скончания века. Ты можешь выпить весь мой французский коньяк, можешь даже спать в моей кровати. Ты можешь делать здесь все, что пожелаешь.

Дуглас схватил Тони за руку и крепко сжал ее, продолжая глупо улыбаться.

– Ты почти спас мне жизнь, Тони. Бог не оставит тебя за то, что ты сделал для меня.

Тони Пэриш в недоумении смотрел на кузена, потом улыбнулся с игривым любопытством:

– Ты меня заинтриговал. Похоже, ты затеял какую-то игру?

– Давай прокатимся верхом, и я обо всем расскажу тебе. Согласен?

Тони попытался было снова надеть на себя маску унылого страдальца, но вдруг увидел свое отражение в зеркале и усмехнулся:

– Почему бы и нет?

* * *

Клейборн-Холл

«Действительно, почему бы и нет?» – думал Тони Пэриш пять дней спустя, ослепнув от видения, которое стояло в пяти футах от него. Это было самое прекрасное существо, которое он когда-либо встречал. Ни одна из его бывших или теперешних любовниц, ни его бывшая невеста не годились ей в подметки. Он всегда считал, что только блондинка может быть по-настоящему красивой, женственной и обольстительной. Боже, как он ошибался. Ее длинные пышные волосы были настоящего черного цвета, без малейшего проблеска рыжины. Ее невероятно голубые глаза в обрамлении длинных черных ресниц могли кого угодно довести до греха. На белоснежной алебастровой коже ее губы смотрелись как лепестки цикламена. Совершенство линий ее грациозного тела окончательно добило Тони, и он молча стоял, бледный и потрясенный.

Вся его ловкость в обращении с женщинами куда-то улетучилась, и, заставив себя наконец посмотреть ей в лицо, он увидел, как легкая улыбка тронула ее губы.

– Виконт Рэтмор? Полагаю, вы и есть кузен графа, – сказала она, протягивая ему руку.

Он кивнул, чувствуя себя полным дураком, медленно перевернул ее руку и поцеловал мягкую ладонь. Конечно, она знает о том эффекте, который произвела на него, думал он, продолжая удерживать ее руку. И конечно же, она попытается манипулировать им. Странно, но он не чувствовал ни малейшего желания сопротивляться. Вдруг он почувствовал, как ее пальцы слегка напряглись в его руке в ответ на его улыбку. Может быть, и она оказалась под впечатлением его обаяния? Скоро будет видно. Ему нужно вернуть себе уверенность, так сильно поколебленную Терезой Карлтон. Он может, если захочет, заставить эту великолепную женщину покориться ему. Он может, и он добьется этого…

Услышав ее имя, он похолодел. Ее звали Мелисанда, и он приехал сюда, чтобы жениться на ней в качестве уполномоченного графом лица. Она должна стать

женой его кузена, Дугласа Шербрука.

* * *

Итапль, Франция

Дуглас находился в сердце укрепления Наполеона, где велась усиленная подготовка к морскому вторжению, хотя в принципе любое место от Булони до Дюнкерка и от Дюнкерка до Остенда можно было рассматривать как часть этого грандиозного проекта. Это было, безусловно, одно из самых безопасных на данный момент мест во Франции, особенно для английского шпиона. Хотя безопасности как таковой не было нигде, люди тем не менее приезжали и уезжали, говорили, слушали, выполняли свою обычную работу, а художники даже делали зарисовки всего, что происходило вокруг. Дуглас был поражен тем, сколько людей работало сутки напролет во всех этих гаванях и доках, на пляжах, сооружая средства передвижения всех видов. Кое-где на работах были заняты солдаты, но, насколько он мог заметить, работали они хуже гражданских рабочих. Всюду, куда ни падал взгляд, бурлила человеческая деятельность.

Дуглас был одет в форму рядового; три дня назад она еще была новенькой и блестящей, но сейчас уже заметно поблекла и помялась. В ожидании связного с инструкциями Кадоудэла он понемногу приглядывался к обстановке, выуживая информацию у болтливых офицеров и вербованных солдат в ближайших распивочных. Ожидание было пока его единственным занятием. Его французский был безупречен, манеры такие, какими им и следовало быть. Он принимал участие в жалобах и сплетнях вербованных солдат и, соблюдая почтительную дистанцию, выслушивал офицеров, выказывая им должное внимание и уважение. Все разговоры крутились вокруг предполагаемого вторжения. Предположения эти основывались на том лишь факте, что Наполеон посетил две недели назад многие войсковые расположения на берегу, заверяя людей, что скоро, теперь уже очень скоро, они пересекут этот маленький пролив и покажут всем этим английским банкирам и купцам, кто правит морем и землей. Замечательные слова, подумал Дуглас. Неужели и сам Наполеон верит в то, что английское крестьянство выйдет ему навстречу и будет приветствовать его как освободителя, если ему все-таки удастся пересечь канал и, сметя английскую оборону, высадиться в Дувре?

Прошло два дня. Дуглас уже устал от ожидания. Совершенно неожиданно он получил инструкции от какого-то одноногого попрошайки, смердящего, как гнилая капуста, который сунул толстый пакет ему в карман, когда он проходил мимо. Прежде чем Дуглас успел спросить его о чем-то, он скрылся в подворотне.

Дважды прочитав письмо и выучив инструкции, он тщательно изучил все вложенные в пакет бумаги и документы. План был чертовски дерзким и сложным. Джордж Кадоудэл всегда имел склонность к рискованным предприятиям; в последнее время его преследовали неудачи, хотя когда-то он знавал и успех. Но на этот раз он превзошел самого себя. План был одновременно великолепным и безрассудным.

Не вызывало сомнения, что он провел долгие часы, продумывая освобождение этой проклятой девицы, Жанин Доде. Несмотря на беспардонность его требования, английское правительство вынуждено было пойти ему навстречу. Англия уже вложила миллионы франков в операцию похищения Наполеона и поднятия восстания в Париже, которое должен был возглавить граф д’Артуа, младший брат Людовика XVI. Не исключалось и восстановление монархии. И мозговым центром всего этого плана был Джордж Кадоудэл. Конечно, он не мог сам освободить девушку. Это было слишком рискованно и вряд ли принесло бы успех. Зато Дуглас как никто подходил для этой задачи. Кадоудэл в свое время не раз видел его в деле и знал, что при всех его блестящих способностях ему еще сопутствует и везение, а сейчас оно было просто необходимо. Интересно, подумал Дуглас, известна ли ему также его репутация в отношении женщин?

На следующее утро Дуглас пришивал пуговицы к новым брюкам и гладил новое черное пальто. Достигнув Булони, он станет официальным функционером из Парижа, отправленным лично Бонапартом для проверки готовности войск к вторжению. Он горячо молился, чтобы его бумаги оказались в полном порядке и не вызвали никаких подозрений. Располагая английскими деньгами, Кадоудэл мог прибегнуть к услугам лучших специалистов по подделке. Дугласу вовсе не улыбалось, чтобы его разоблачили и расстреляли как шпиона.

Ровно в двенадцать часов, войдя в требуемый образ до кончиков ногтей, он отправился в Булонь, в резиденцию генерала Оноре Белесьена, найти которую не представляло большого труда. Здание принадлежало мэрии и было самым большим в городе. Генерал считался гостем мэра. Сам мэр отбыл три месяца назад в неизвестном направлении.

Теперь Дугласу было известно о Белесьене практически все. Вряд ли генерал сможет чем-либо его удивить. Это был прекрасный тактик, очень толковый администратор, хотя следить за выполнением своих распоряжений на местах он предоставлял своим помощникам. Проявлял жестокость не только к пленным, но и к собственным подчиненным. Не пропускал ни одной юбки. Считал себя отличным знатоком как в военных, так и в любовных делах. Свою многострадальную жену и четверых детей сплавил в Лион, чтобы избежать нареканий и скандала. В сравнении с обычными людьми мнил себя чуть ли не богом. Легко терял над собой контроль, и любой попавшийся ему под горячую руку мог поплатиться жизнью. В любовных делах не отличался галантным обхождением, даже будучи в прекрасном настроении. Покинув постель очередной любовницы, как правило, напивался до бесчувствия.

Мэрия находилась в стороне от основной дороги, к ней вела аллея раскидистых дубов, которые в жаркое время года радовали глаз своей яркой зеленью, а воспаленную кожу – тенистой прохладой. Само здание было трехэтажным, из желтого кирпича, потемневшего от времени. До самой крыши тянулись кудрявые плети плюща. Похоже, у мэра есть вкус, подумал Дуглас. Или был. Он насчитал как минимум дюжину солдат, патрулирующих двор и охраняющих вход в здание. Посмотрел вверх, пытаясь угадать, в какой из комнат третьего этажа прячут Жанин Доде. В том, что генерал переспал с ней, не было сомнений. Можно было только надеяться, что он хотя бы не мучил ее своими извращенными фантазиями. Оставалось также загадкой, было ли ему известно, кем была эта девушка.

Адъютант генерала Грильон спустился в просторный холл, чтобы поприветствовать важного гостя. В своей великолепной алой форме со всеми регалиями он выглядел очень внушительно, хотя Дуглас заметил на его лице следы переутомления. Адъютант был явно смущен его прибытием и чувствовал себя не в своей тарелке, не зная, как себя вести. Дуглас насчитал еще четверых солдат в холле. Отступать было некуда, представление началось.

– Месье Лапалисс. Вы, разумеется, знаете обо мне. Мне нужно немедленно повидать генерала. – Дуглас сделал вид, что оглядывает дом, предоставляя лейтенанту возможность как следует себя изучить.

– Месье Лапалисс, – наконец заговорил Грильон, – если вы подождете немного, я доложу о вас генералу и узнаю, может ли он…

– Я не привык ждать! – Дуглас высокомерно вскинул голову, пристально разглядывая лейтенанта. – Мы пойдем с вами вместе, и вы доложите обо мне немедленно.

Грильон заколебался, затем быстро повернулся. Генерал сейчас мучился страшной головной болью. Он перебрал прошлой ночью и сегодня расплачивался за это. Идиот. Точное время прибытия этого проклятого бюрократа не было известно никому, но он мог бы предположить, что тот заявится именно тогда, когда его меньше всего хотели бы видеть. Этот визит заставил генерала беспокоиться, тем более что никто из высшего руководства не предупредил его о нем. Черт бы побрал все их интриги!

Генерал Белесьен стоял с застывшим взглядом, вцепившись в свой письменный стол, как в спасательный круг. Когда Дуглас вслед за Грильоном вошел в комнату, генерал попытался выпрямиться во весь рост, но его маневр никого не обманул. Тогда он решил изменить тактику и принял вид усталого и обиженного человека. «Отлично», – подумал Дуглас, по-хозяйски расхаживая по широкому салону. Ограничившись легким кивком головы, он произнес на чистейшем французском:

– Какой сегодня чудесный день!

– Да, чудесный, – ответил генерал, обретая равновесие. – Э, мне сообщили, что вы из военного комитета Наполеона, хотя мне и непонятны причины вашего визита. Совсем недавно он посетил нас лично и остался очень доволен тем, как мы подготовились к вторжению.

– Сейчас нет ничего постоянного, обстоятельства меняются каждый день, – пожав плечами, ответил Дуглас и надменно улыбнулся. – Меня направил не комитет, а сам Бонапарт для проведения расследования.

Генерал застыл, захлопнув челюсть, в то время как мозги его лихорадочно заработали.

– Расследования?

Неужели до Наполеона дошли слухи о гибели двух солдат, которых он запорол до смерти на прошлой неделе? Или ему пожаловались родственники той

девчонки, которую ему пришлось немного побить? Она сопротивлялась как бешеная, хотя он видел, что нравится ей. Пришлось немножко поучить ее хорошему поведению. Ему не пришлось бы быть таким грубым, если бы она сумела его оценить и уступила, поддавшись его обаянию, как это сделала малышка, которую он поселил в комнате, смежной со своей спальней.

Белесьен преклонялся перед гением Наполеона на поле битвы, но недолюбливал его великосветские замашки. Приходилось проявлять осторожность. Этот человек, стоявший перед ним, был не более чем бюрократ, ничтожество с куриными мозгами. Но эта бумажная крыса облечена такой властью, что надо попробовать с ним поладить. Если же это не удастся, придется его убрать. Дороги полны грабителей и бандитов.

– Да, – сказал Дуглас, – вам должно быть известно, что Наполеон всегда считал первостепенной задачей постоянную перепроверку как самих планов, так и подготовки к их выполнению. Нескончаемый круг, не правда ли?

– У вас, конечно, есть документы.

– Разумеется.

В три часа дня Дуглас шагал по булонскому пляжу в сопровождении генерала Белесьена, осматривая лагерные укрепления. Генералу было тошно от всего этого – проявлять предупредительность к этому жалкому бюрократу и изображать этакий дух сотрудничества с ним, с человеком, которого он одновременно и презирал, и боялся. Дуглас про себя усмехался, видя, как генерал бросается из крайности в крайность. Сначала он попытался запугать Дугласа, потом притворился равнодушным, дав понять, что знает в своем хозяйстве все до мелочей и прекрасно владеет ситуацией.

Белесьен устроил ужин в честь гостя в бывшей столовой мэра, пригласив на него еще с дюжину офицеров высших рангов. К концу затянувшегося застолья почти все они были в доску пьяны. Около полуночи троих унесли адъютанты. В час ночи, когда, казалось, уже сам воздух стал хмельным, Дуглас чувствовал себя бодрым, как никогда, выжидая свой шанс.

Он молил Бога, чтобы никто не обнаружил, кем он является в действительности. Он не хотел умирать. В Англии его ждет молодая жена. Мелисанда. Как сладко

было произносить ее имя! Вернувшись, он не выпустит ее из своих объятий, пока она не объявит, что скоро он станет отцом.

Когда генерал предложил ему сыграть партию в пикет, он кротко улыбнулся, чувствуя, как его сердце забилось сильнее.

– На что будем играть? – спросил он, снимая с рукава соринку.

Генерал предложил франки.

Дуглас выразил легкое неудовольствие от такой банальности. Ему казалось, что такой остроумный человек, как генерал, мог бы придумать что-нибудь более интересное… какое-нибудь соблазнительное пари…

Генерал напряг свои одурманенные мозги, потом криво улыбнулся. Он стиснул руки, и глаза его заблестели.

– Хорошо. Победитель нашей маленькой игры, месье, получит в награду лакомый кусочек, который живет здесь со мной. Ее зовут Жанин, и она сумеет разжечь даже святошу.

Дуглас с безразличием согласился.

Глава 5

Клейборн-Холл

Александра в десятый раз перечитала записку. Она стояла у итальянского столика Мелисанды, уставленного множеством флаконов, бутылочек и шкатулок. На ней все еще был утренний пеньюар, а длинные рыжие волосы были заплетены в толстую косу. Глаза ее на мгновение закрылись.

«Ты надеялась, что это случится».

Возможно, да, возможно, и нет. Догадываясь, что происходит, она молчала. И наблюдала. Наконец это случилось. Мелисанда и Энтони Пэриш, виконт Рэтмор, сбежали прошлой ночью в Гретна-Грин. Александра медленно подняла листок, на котором сестра второпях нацарапала несколько строчек. Слова, круто изменившие жизнь стольких людей, были написаны с ошибками – Мелисанда не сильно утруждала себя учением. Вдруг на Александру снизошло странное спокойствие. У нее появилось предчувствие, что вскоре должно произойти нечто еще более важное.

Нужно пойти рассказать отцу. Придется признаться, что она догадывалась о том, что происходит между молодыми людьми, и все-таки промолчала. Она ненавидела себя в эту минуту, мысленно называя себя ревнивой девчонкой, низкой, малодушной и не заслуживающей ничьего уважения.

Прочитав письмо, герцог молча положил его на стол и подошел к широкому окну, вперившись взглядом в садовника, который методично подрезал деревья. Стайка воробьев громко переговаривалась между собой на восточной лужайке. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем отец обернулся к ней. Задумчиво посмотрев на дочь, он улыбнулся. Услышав его спокойный, с некоторым оттенком иронии голос, Александра была поражена.

– Ну что ж, что сделано, то сделано, моя дорогая. Не такой уж большой сюрприз, не такое уж потрясающее открытие. Ты удивлена? Дело в том, что Тони мне тоже оставил письмо, правда, более грамотное и с большим числом извинений. Он обещает, что поступит с ней по чести. Так что нам остается только ждать.

– О, папа, я знала, знала, но я хотела…

Отец покачал головой и погрозил ей пальцем:

– Ты тоже догадывалась о том, что собирается сделать лорд Рэтмор?

– Я не знала, что они собираются бежать в Гретна-Грин, но понимала, что Мелисанда скорее всего откажется от свадьбы с графом… Я не могу лгать тебе, папа. Но я и представить не могла, что ты тоже…

Александра стояла совершенно подавленная, ее раскаяние могло растопить сердце любого отца. Сознание своей вины все усиливалось. Какое-то время герцог смотрел на нее, потом заговорил снова:

– Да, я знал, что Тони влюблен в Мелисанду и что она отвечает ему взаимностью. По правде говоря, я еще никогда в своей жизни не видел, чтобы люди за столь короткий промежуток времени так полюбили друг друга. Тони – неплохой малый, умный, ловкий и большой мастер по женской части. Я думаю, что для твоей сестры именно последнее достоинство явилось решающим фактором. Более того, он очень богат. Не так, как граф Нортклифф, но в письме он меня заверяет, что сумма, которую он обязуется мне выплатить за дочь, будет не меньше той, что обещал граф. Уж если кто и должен страдать из-за своей вины, так это виконт, а вовсе не ты, моя дорогая девочка. Ведь он предал своего кузена и отнял у него женщину, которую тот выбрал для себя. О да, конечно, он пишет, что презирает себя за свой поступок, но ведь он сделал это, и теперь уже ничего нельзя изменить. Я давно заметил, что совесть, как правило, просыпается слишком поздно, когда обратного пути уже нет. Но все-таки, если закрыть глаза на этот неприглядный поступок, я думаю, что виконт – честный человек. Он обещает вернуться с Мелисандой обратно, и очень скоро. Эта кокетка, разумеется, не хочет никого из нас видеть, понимая, что обманула доверие матери, и опасаясь ее гнева. Но виконт пишет, что привезет ее, даже если она будет сопротивляться и сердиться. – Герцог улыбнулся. – Тони Пэриш не из тех мужчин, что пляшут под дудку женщины, даже если она так красива, что при одном взгляде на нее начинают болеть зубы. Так вот, главное, что он привезет ее, не считаясь с ее слезами и пожеланиями.

– Но я ведь догадывалась, папа, я действительно догадывалась. – Александра стояла с несчастным видом, ожидая справедливого выговора.

Герцог поднес руку дочери к губам и поцеловал.

– Я сожалею только о том, что все произошло таким недостойным образом. Ни один отец не обрадуется, узнав, что его дочь заключила брак в Шотландии. А дочь герцога в особенности должна заботиться о соблюдении приличий, – сказал герцог и вдруг, без всякого перехода, спросил: – Ты так хочешь сама заполучить этого графа?

Вопрос был задан настолько неожиданно, что на какое-то время Александра утратила способность говорить.

– Но как… как ты догадался? Боже, неужели это так заметно? А еще кто-нибудь знает?

– Конечно, нет. Просто ты моя дочь и я люблю тебя. Значит, я не ошибся?

– Это правда, папа. Все эти три года я любила его, но теперь он будет от меня еще дальше, чем когда-либо.

Она подняла глаза, и он прочитал в них боль и опустошенность. Герцог решил переменить тему:

– Я только что получил письмо от твоего брата. И я должен рассказать тебе всю правду, Александра. Твой брат с позором покинул Англию, оставив за собой громадные долги, и теперь он на пути в Америку. Даже обеспечение Тони, очень щедрое, надо признать, не сможет покрыть эти долги. С той минуты, как я получил это письмо, я постоянно думаю, как нам выкарабкаться из этой ситуации. И сейчас, мне кажется, наконец забрезжил свет. Больше пока я тебе ничего не скажу.

С этими словами он вышел из библиотеки. Александра молча смотрела ему вслед.

Ровно через час Тони Пэриш и новоявленная виконтесса должны прибыть в Клейборн-Холл. Тони безапелляционно заявил ей, что они должны вернуться в дом ее отца и на этот раз сделать все как следует. Она умоляла его не делать этого, говорила, что родители ее не простят и что она не вынесет их упреков. Она даже поплакала у него на плече. Тони назвал ее слезы крокодиловыми, чем привел ее в неописуемую ярость. Увидев, что он смеется, она окончательно вышла из себя и запустила в него расческой, которая тут же полетела обратно в нее. Мелисанда растерялась от такого обращения. А Тони покинул комнату, сказав ей, чтобы она была внизу через десять минут. Еще одна расческа полетела в захлопнувшуюся дверь.

Когда через одиннадцать минут она спустилась вниз, Тони выразительно посмотрел на часы, но промолчал. Она послушалась его. Скоро она научится ему подчиняться, не устраивая сцен и не тратя лишних минут.

Они ехали в коляске, которую Тони нанял в Хэрроугейте, когда они направлялись в Гретна-Грин. Шел второй день их женитьбы, и через час он встретится со своим тестем, который наверняка с радостью придушил бы его. Но вернуться все-таки нужно. Так будет правильно. К тому же он уже написал герцогу, что приедет, чтобы обсудить брачный контракт и постараться исправить то, что можно.

Он улыбнулся, в который раз восхитившись точеным профилем жены, почувствовав, как в нем опять поднимается желание. Он загорался как спичка, стоило ему прикоснуться к ее руке или хотя бы услышать ее голос из соседней комнаты. Для него не имело значения, в хорошем она настроении или сердится и кричит. Сейчас же, находясь так близко от нее, он совсем потерял голову.

– Сними-ка свою пелерину, – тихо сказал он.

Мелисанда в этот момент произносила длинный монолог о том, как ее мучают стыд и чувство вины, как она страдает от его невнимательного отношения к ней, подчас невыносимого… Он даже посмел запустить в нее расческой!..

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Сними свою пелерину».

– Но мне совсем не жарко.

– Ладно.

Она состроила недовольную гримаску и начала расстегивать пелерину. Он помог ей снять ее и аккуратно положил на другое сиденье. Потом начал целовать, взяв ее голову в свои ладони.

– Тони!

– Тише. А теперь, дорогая, сними эту шляпку. Она мешает мне целовать тебя как следует. К тому же под ней не видно твоих чудесных волос. Я так люблю, когда они струятся у меня между пальцами.

Поскольку приказ был облечен в форму комплимента, Мелисанда, смилостивившись, сняла шляпку, положив ее на пелерину.

– Ну а теперь… – Тони начал расстегивать лиф ее платья.

Она ахнула и ударила его по руке.

– Мы в коляске, Тони! И это посреди дня! Боже, ты должен остановиться, ты не сделаешь этого, ты…

Он заставил ее замолчать, закрыв рот поцелуем. Потом прошептал ей в самое ухо:

– Тебе лучше вести себя тихо. Ты моя жена, Мелисанда, и очень скоро ты поймешь, что должна слушаться меня. Прошлой ночью ты вряд ли получила удовольствие, но сейчас я постараюсь это исправить. Только молчи и делай, что я тебе говорю.

Какое-то время она недоверчиво смотрела на него, не находя слов. Прошлой ночью она чувствовала себя страшно неловко от того, чем они занимались. Когда она сбежала с Тони из дома, она совсем не думала об этой стороне отношений. Ей просто хотелось доказать отцу и этому графу Нортклиффу, что они не могут управлять ею, как им хочется. Тони был очень милым, галантным и обходительным. Но очень быстро она распознала в нем незаурядный ум и силу и настоящее мужское упрямство. Но ей казалось, что приручить его не составит большого труда. По крайней мере до сих пор ей удавалось приручать любого, кто заплывал в ее сети.

Прошлой ночью Тони был очень нежен с ней. Она сумела понять, что он обладает большим опытом в этой области, но оценить его по достоинству не смогла. Вся процедура показалась ей страшно неловкой, и она была рада, что все это происходит в темноте. О том, что это могло доставить какое-то удовольствие, не могло быть и речи. Получать комплименты, поцелуи и подарки гораздо приятнее.

И вот теперь он собирается заняться этим средь бела дня в коляске и раздевает ее, в то время как сам полностью одет!

– Нет, – отрезала Мелисанда. – Я не сделаю этого.

Тони только улыбнулся, продолжая расстегивать пуговицы.

Она побледнела, потом вскрикнула, с силой оттолкнув его. В его голосе послышалось раздражение.

– Ты моя жена. Сколько раз я должен напоминать тебе об этом, Мелисанда? Я знаю, что прошлой ночью ты осталась недовольна. Но так бывает со всеми в первый раз. Сейчас все будет иначе, поверь мне. Так что сиди тихо и прекрати строить из себя невинность.

Эти слова только усилили ее сопротивление. Тони старался заглушить ее возгласы поцелуями, надеясь, что кучер их не услышит.

– Моя замечательная, прекрасная, непослушная женушка, – говорил он, убирая с ее лба выбившиеся из прически волосы. – Так вот на ком я женился. Нет, я не жалуюсь. У меня не было иллюзий насчет твоего характера с самого первого дня нашей встречи. Но если ты будешь вести себя так и дальше, то мне придется бить тебя.

– Ты не посмеешь! Я не допущу этого! Прекрати, черт тебя подери, прекрати, тебе говорят!

– Как жаль, что приходится применять силу… И я не собираюсь ничего прекращать. Меня ничто не остановит, если я что-то решил. Вот увидишь.

По правде говоря, Тони уже не был так уверен в правильности того, что он делает, и продолжал лишь из чистого упрямства. Стоит один раз уступить женщине, и потом этому не будет конца. Он резко стянул платье с ее плеч.

– Предупреждаю тебя, Тони, мой отец вызовет тебя на дуэль, он отрежет тебе уши, он…

– Дорогая, что может твой отец сказать мне, твоему законному мужу, хозяину и повелителю? Так что закрой свой распрекрасный ротик и помолчи хотя бы минуту.

В ответ она громко закричала, но вдруг поняла, что кучер наверняка все слышит. Эта мысль настолько шокировала ее, что она ослабила сопротивление. Внезапно экипаж остановился. Тони продолжал улыбаться, помогая ей расправить одежду. Лицо кучера показалось в окошке. Он обратил взгляд на Мелисанду, и она поняла, что он догадывается о том, что происходило между ними.

– Поезжайте! – воскликнула она. – Вы слышите меня?

– Да, – спокойно сказал Тони, скрестив руки на груди. – Простите, что моя жена побеспокоила вас. С женщинами иногда случается… вы понимаете меня.

«Черт бы побрал этих господ», – выругался про себя кучер, забираясь обратно на козлы.

Минут через пять Мелисанда пришла в себя и успокоилась. И только тут она заметила, что Тони все это время молчит. Она привела себя в порядок, надела шляпку, пелерину, и все это при полном безразличии Тони. Ей стало обидно. Сидит, молчит, смотрит в окно, и на лице его написана скука. Скука!

Увидев, что она неправильно застегнула пуговицы, Тони наконец улыбнулся.

– Ты знаешь, Мелли…

– Мелли! Не называй меня так, это звучит слишком простонародно.

– Закрой рот, дорогая.

– Но я… – Посмотрев ему в глаза и увидев в них странный огонек, Мелисанда решила не продолжать и отвернулась. За окном мелькали деревья.

– Так вот, Мелли, ты знаешь, что ради тебя я предал своего кузена. Однако это не то предательство, которое может погубить душу. Вы с Дугласом не так уж хорошо знали друг друга. Не сомневаюсь, что он избавился бы от иллюзий, пообщайся он с тобой хотя бы несколько дней. Возможно, он даже попытался бы сбежать от тебя под покровом ночи. Дуглас не стал бы увозить тебя в Гретна-Грин. Думаю, что и ты не питала к нему никаких чувств. Даже три года назад он скорее всего был для тебя не более чем приятный мужчина, который умеет

говорить комплименты. Он оставил тебя тогда, так как долг перед родиной был для него выше сердечных дел. Ему запомнились твоя красота, твоя беспечная веселость и твое кажущееся простодушие. И не более.

Но он никогда не любил тебя. Все его родственники по очереди пытались уговорить его жениться, и все безуспешно. Но не так давно он и сам пришел к мысли, что графству необходим наследник. Поэтому ты просто подвернулась ему в нужный момент. Ты – красивая женщина, женившись на тебе, он хотел доставить удовольствие и себе, и своим родственникам. И кроме того, это избавляло его от посещения лондонских салонов и просмотра возможных кандидаток на роль его жены.

Что же касается меня, то я готов принять тебя любую, со всеми твоими капризами и претензиями. И я убежден, что через некоторое время Дуглас еще будет благодарить меня за ту услугу, которую я ему оказал, женившись на тебе. Когда-нибудь наступит такой день. Его ты просто свела бы с ума. – Тони повернулся к жене. Вид у него был самый серьезный. – Дуглас гораздо в большей степени джентльмен, чем я, Мелли. Он никогда не стал бы бить тебя или провоцировать на скандал. Он просто стал бы тебя избегать, и вы оба были бы несчастны.

Мелисанда пристально смотрела на Тони.

– Я не верю тебе. Дуглас Шербрук любит меня. Он любил меня три года назад и любит до сих пор. Ему не удастся излечиться от этой любви до конца жизни. Я буду его последней любовью. Ты разбил его сердце, женившись на мне, и он навсегда возненавидит тебя за это.

– Надеюсь, что нет, – тихо ответил Тони. – Надеюсь, что я задел только его гордость. Но, думаю, он быстро оправится, увидев, каких трудов мне стоит удерживать тебя под контролем. Он с благодарностью пожмет мою руку и облобызает меня тысячу раз.

– Ты говоришь так, словно меня не за что любить или уважать, – грустно разглядывая свои руки в светлых перчатках, сказала Мелисанда. – По твоим словам выходит, что ты женился на мне, только чтобы спасти своего кузена. Я думала, что ты действительно любишь меня, раз отчаялся на такой поступок.

– Ты не ошиблась, я люблю тебя. Но при этом я трезво оцениваю твой характер. Не бойся, твой брачный контракт от этого не пострадает. Я внесу в него ту же сумму, что обещал тебе Дуглас. Твой отец также знает об этом из письма, которое я оставил ему.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Вряд ли стоит рассказывать об этом, Мелли, до тех пор пока все окончательно не определится. – Он улыбнулся ей. – Надеюсь, твой отец оценит мою пунктуальность, когда мы прибудем в Клейборн-Холл минута в минуту. Кстати, дорогая, тебе не идет такой строгий вид. Советую тебе немного расслабиться ближе к дому.

Мелисанда презрительно промолчала, но через минуту не выдержала и полезла в ридикюль за зеркальцем. Привычными движениями подправив все, что она сочла нужным, и почувствовав себя во всеоружии, Мелисанда убрала зеркало и уже снисходительно посмотрела на мужа. Тони вздрогнул. Господи, сам дьявол сделал ее такой красивой! Он до сих пор не мог до конца поверить в то, что это его жена. Когда она так смотрела на него, он был готов как дурак позволить ей вить из него веревки. Ему приходилось подавлять это в себе всеми силами, иногда даже срываясь на грубость. Он ни о чем не жалел. К черту условности, к черту Дугласа, к черту все, он хотел эту женщину, и он получил ее.

А теперь надо научиться с ней жить. И сделать так, чтобы эта жизнь была приятна им обоим. Но самым трудным будет добиться прощения Дугласа.

Как странно, вдруг подумал Тони, с той самой минуты, как он встретил Мелисанду, он ни разу не вспомнил о Терезе, своей бывшей невесте. Он посмотрел на жену. Она была бледна, задумчива и нервно теребила ленты своей шляпки. Надеюсь, ее отец не станет устраивать скандал, размышлял он. А если станет, то ему придется вступиться. Теперь она под его защитой, и уж он постарается, чтобы она не пожалела об этом.

* * *

Булонь, Франция

Дуглас выиграл партию в пикет. Ему даже не пришлось подтасовывать карты. Белесьен был настолько пьян, что даже если бы ему удалось выиграть, его способность воспользоваться своим выигрышем вызывала сомнение. Он отдал Дугласу ключ и сказал, что ему надо будет объяснить девице, что она должна развлечь его. Генерал еле держался на ногах, но вдруг решил сопровождать его в комнатку девицы. «Потому что, – говорил он, – она может не разобраться в ситуации сама. Надо ей помочь».

Он открыл дверь и ввалился в комнату. Дуглас молча проследовал за ним. В комнате ничего не было, кроме кровати, вешалки и маленького круглого коврика посредине. На этом коврике стояла молодая женщина и испуганно смотрела на вошедших. Белесьен пьяно ухмыльнулся и взмахнул рукой:

– Раздевайся.

Женщина немного поколебалась, потом подчинилась. Дуглас почему-то ожидал, что она будет моложе, хотя и сам не знал почему. Нет, это уже не юная девушка, подумал он, приглядываясь к ней внимательнее, скорее всего ей около двадцати пяти лет. Несмотря на бледность, темные круги под глазами и худобу, она была безусловно красива.

Белесьен молча ждал, пока она не осталась в нижнем белье. Тогда он подошел к ней, грубо схватил за подбородок и поцеловал. Потом резким движением сорвал с нее рубашку. Смеясь, кивнул через плечо Дугласу:

– Мне хотелось, чтобы вы оценили ее. Хороша, не правда ли? На мой вкус, правда, немного тонковата, но по-своему тоже неплоха. – Он подтолкнул ее к кровати: – Ты видишь этого человека? Если ты не сделаешь все, что он пожелает, то будешь наказана. Ты помнишь, какое тебя ждет наказание? Я бы с радостью остался и понаблюдал, как вы тут развлекаетесь, но уж очень устал. А что это вы все молчите? – сказал Белесьен и повернулся к Дугласу: – Она вам не нравится? Конечно, не девственница, но ведь вы ее не в жены берете. Я дарю ее вам, но только на эту ночь. Желаю приятно провести время. – С этими словами он вышел из комнаты.

Дуглас подошел к двери и послушал, как его шаги удаляются, потом услышал, как на втором этаже открылась и захлопнулась дверь. Только после этого он обернулся к девушке.

Она стояла возле кровати, пытаясь закрыться руками. «Неужели мой план удастся?» – подумал Дуглас, боясь спугнуть удачу.

Когда он заговорил, его голос звучал быстро и четко:

– Ваше имя Жанин Доде?

Она молчала. Ее голова едва доходила ему до плеча. У нее были прямые светлые волосы, которые спадали почти до талии. Да, она очень хорошенькая, подумал он, глядя в ее бледно-голубые глаза, опушенные такими же светлыми ресницами.

– Я задал вам вопрос.

Девушка покачала головой, слегка отступив от него.

– Не бойтесь меня. Я здесь по поручению Джорджа Кадоудэла. – Дуглас старался не смотреть на нее. У него уже очень давно не было женщины, но сейчас нельзя было терять ни минуты. – Вам известно, о ком я говорю?

Она кивнула, все еще не решаясь поверить ему, хотя в душе у нее затеплился огонек надежды.

– Я хочу, чтобы вы оделись, и побыстрее. Нам нужно торопиться. Я должен отвезти вас к Джорджу.

– Но у меня нет здесь никаких платьев.

Дуглас огляделся.

– Наденьте какой-нибудь плащ, ну хоть что-нибудь. У нас нет времени.

– Я не верю вам. – У нее еще сохранились остатки самообладания. Она была на грани обморока, но пока держалась. – Я знала, что он отдаст меня вам на эту ночь, он сам сказал мне об этом, и знаю почему.

– Я выиграл вас в карты.

– О нет. – Ее бледность стала еще сильнее. Покачав головой, она вдруг быстро заговорила: – Он хотел, чтобы я разузнала у вас, что вы собираетесь доложить Бонапарту, вернувшись в Париж. Он боялся также, что вы можете оказаться шпионом. Я думаю, он предпочел бы, чтобы вы были шпионом, чем инспектором Бонапарта. Он ужасно боится, что тому станут известны его дикие выходки, и велел мне любыми средствами выведать у вас правду. Иначе он убьет мою бабушку.

– Ах вот что. – Дуглас улыбнулся ей и взял ее руки в свои. «Так, значит, генерал был вовсе не пьян. Партия в пикет, пари, его уход – все это было хорошо разыгранным спектаклем. Неплохо». – Теперь вы можете не волноваться, – успокоил он ее. – Где находится ваша бабушка?

– Она живет на ферме в двух милях на юг от Итапля. Он сказал, что держит там человека, который по первому его приказу убьет ее.

– Насколько я знаю Джорджа, о вашей бабушке уже наверняка позаботились. Так что сейчас речь идет о вашем спасении. Поэтому оденьтесь и двинемся. Я отвезу вас и вашу бабушку в Англию.

– В Англию? – протянула она удивленно. – Но мы не говорим по-английски.

– Это не важно. В Англии многие владеют французским языком, и вы скоро научитесь. Джордж проводит там большую часть времени, и я думаю, что он лично займется вашим образованием.

– Но…

– Больше я ничего не могу сказать. Джордж хочет, чтобы я привез вас в Лондон. Там вы будете в безопасности, ожидая, пока он приедет за вами. А сейчас у него есть дела, которые он не может оставить. Ну, вы наконец поверили мне?

Она подняла к нему сияющее лицо и просто ответила:

– Да.

– Вот и хорошо. А теперь слушайте, что нам нужно сделать.

Ее взгляд светился восхищением и обожанием. Обычно так смотрят на икону, с неудовольствием отметил Дуглас. Интересно, почему большинство людей, с которыми он сталкивается, и в особенности женщины, считают его чуть ли не святым Георгием? Это его и злило, и забавляло одновременно.

Глядя на ее доверчиво поднятое к нему лицо, он вдруг подумал: «А ведь она уже забыла Кадоудэла. Не будь я уже женат, можно было бы…» Но перспектива возвращения в Англию с обезумевшей от страсти женщиной его не привлекала.

– Вы готовы?

Через пять минут они покинули здание мэрии.

Глава 6

Нортклифф-Холл

Пять дней спустя

Дуглас открыл дверь библиотеки, увидел своего кузена за маленьким столом с зажженной свечой и, широко улыбаясь, вошел в комнату.

– Тони! Боже, как я рад снова быть дома и видеть тебя! Вдвойне приятно оказаться дома при теперешних обстоятельствах. Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Дуглас! – Тони поднялся. Он подошел к кузену и пожал ему руку. – Насколько я понимаю, твоя миссия прошла успешно?

– Более чем, благодаря Господу Богу и одному тупому генералу, который думал, что сможет перехитрить меня. О, твой домашний халат очень элегантен, но,

когда ты делаешь резкие движения, он открывает твои волосатые ноги. – Он облокотился на подоконник. – Предлагаю выпить отличного французского коньяка. Надеюсь, ты тут не стеснялся и как следует опустошил мои винные подвалы?

– Спасибо, Дуглас, но мне не хочется пить.

Дуглас налил себе коньяка и залпом выпил его, чувствуя, как тепло разливается по телу.

– Холлис сказал, что тебе нужно поговорить со мной и это так важно, что не может подождать до завтрашнего утра. Мне даже на секунду показалось, что он вот-вот заплачет, но это, конечно, ерунда. Холлис никогда не плачет, не кричит и вообще старается не выказывать свои чувства. Но сейчас уже полночь, а я так устал, что могу просто свалиться у твоих ног. Конечно же, я обязательно повидаю свою невесту, надеюсь, она прогонит мою усталость. Но меня удивило поведение Холлиса. В чем дело?

– Я пытался уговорить Холлиса лечь в постель, сказав, что сам буду дожидаться тебя в холле, но ты же его знаешь. Он отказался.

Дуглас налил себе еще и забрался с ногами в большое глубокое кресло.

– Ты мне скажешь в конце концов, в чем дело? – Повисло тягостное молчание, и Дуглас понял, что Тони должен сообщить ему что-то, что вряд ли его обрадует. – Ты сделал то, что я тебя просил? Ты женился на Мелисанде?

– Да, я женился на ней, – ответил Тони, посмотрев ему прямо в лицо. Зная, что скрывать дальше правду не имеет смысла, он набрал в грудь побольше воздуха и выпалил: – Я также женился на ее младшей сестре.

– Ты что? – Дуглас поперхнулся и закашлялся.

– Я сказал, что женился на двух женщинах. – Энтони Пэриш отвернулся к камину и стал смотреть на пылающие угли, от которых разлетались янтарные искры. Он столько раз репетировал свое объяснение с Дугласом, но сейчас все заготовленные слова вылетели у него из головы. Он чувствовал себя таким же

усталым, как и кузен, и готов был провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать его упреков. – Ты можешь вызвать меня на дуэль, Дуглас. Это твое право. Но клянусь, я не стану стрелять в тебя.

– Что за чертовщину ты там несешь? – Дуглас не хотел понимать, о чем ему говорит кузен. Ему хотелось сию же минуту убежать отсюда, подняться в свои огромные апартаменты и на широчайшей графской кровати найти Мелисанду, которая встретит его с распростертыми объятиями. Он не хотел больше слушать про то, как Тони женился на двух женщинах.

– Я женился на Мелисанде не как твое доверенное лицо. Мы уехали с ней в Гретна-Грин и там обвенчались, затем обвенчались еще раз в доме ее отца. А потом я женился на ее младшей сестре Александре в качестве твоего доверенного лица.

– Да… – только и смог сказать Дуглас. Он поднялся, осторожно поставил коньяк на стол, взял свечу и, кивнув на прощание кузену, вышел из библиотеки.

– Дуглас! Подожди! Ты не понял. Ради Бога, вернись сюда!

Но Дуглас и не думал возвращаться. Он услышал, что Тони последовал за ним, и ускорил шаги. Это ошибка, какая-нибудь ужасная ошибка, что-нибудь из дурацких шуточек Райдера… или что-то в этом роде. Он услышал, как Тони поднимается за ним по ступенькам, и свернул в восточный коридор. Здесь он уже просто побежал в конец длинного коридора, где располагались графские комнаты. Он распахнул двойные двери, влетел внутрь и, захлопнув их за собой, быстро повернул ключ.

Высоко подняв свечу, Дуглас посмотрел на кровать. Она была пуста. Было очевидно, что здесь никого не было с самого его отъезда. Господи, как он мечтал прийти сюда и увидеть посреди этого огромного ложа Мелисанду, прекрасную, как Афродита, в пене из кружев! Он видел в мечтах, как она обрадуется и протянет к нему руки…

Потеряв способность соображать, он в бешенстве обернулся. И вдруг, увидев дверь в примыкающую к спальне комнату, понял, что ведет себя как дурак. Конечно же, она должна быть здесь, а не в его кровати. Они мало знают друг друга, и ей неловко спать в его кровати, во всяком случае, до тех пор пока он, ее

муж, сам не принесет ее сюда.

Открыв дверь в соседнюю комнату, он вошел туда. Эта комната была меньше, и вся ее обстановка говорила о том, что она предназначалась для женщины. Именно здесь появлялся призрак, который никогда не существовал, разве что в разыгравшейся фантазии женщин. Покрывало на кровати было слегка смято, но и здесь никого не было. И тут он увидел ее. Девушка стояла в тени, на ней было длинное белое платье, которое закрывало ее от подбородка до кончиков пальцев на ногах. Ему не удалось разглядеть ее как следует, но он заметил, что она очень бледна и испуганна. Кого она боится? Его?

«Черт, конечно, она боится», – подумал он, шагнул вперед и остолбенел. Это была не Мелисанда. Это была совершенно незнакомая ему девушка, и она посмела находиться в спальне его жены, словно имеет на это право, и смотреть на него как на преступника или даже на убийцу. Он остановил поток своих мыслей.

– Кто вы такая, черт вас возьми? – Его самого удивило спокойствие, с каким он задал этот вопрос. У него тревожно забилось сердце в предчувствии беды; ему пришлось поставить свечу на прикроватную тумбочку, чтобы скрыть дрожание своих рук. – Я спросил, кто вы такая. И какого дьявола вы здесь находитесь? И где Мелисанда?

– Мелисанда находится этажом ниже, в западном крыле. Ее спальня, кажется, называется Зеленой.

У нее был испуганный голос – высокий, тонкий и дрожащий.

– Я не знаю вас. Как вы здесь оказались?

Девушка шагнула вперед, и он увидел, что она пожимает плечами. При тусклом свете свечи было видно только, что она небольшого роста, хорошо сложена и что у нее густые темно-рыжие волосы, длинными локонами спадающие по спине и плечам.

– Я спала здесь.

– Но вы не Мелисанда.

– Нет, – сказала она, – я – Александра, и я ваша жена.

Услышав такую нелепость, Дуглас рассмеялся:

– Вы не можете быть моей женой, дорогая, потому что я никогда в своей жизни не видел вас. Скорее всего вы – или жена Тони, или одна из его многочисленных любовниц.

– Мы встречались, милорд, просто вы не помните меня. Мне было тогда всего пятнадцать лет, и вы не замечали никого, кроме моей сестры.

– Да, и я женился на ней.

Из спальни Дугласа донесся громкий стук в дверь. Было слышно, как Тони пытается взломать замок. Дуглас усмехнулся, услышав его крики: «Дуглас, открой эту чертову дверь! Александра, с тобой все в порядке?»

– Со мной все в порядке, Тони, – отозвалась она, повернувшись к Дугласу, и уже тише спросила: – Могу я открыть ему, милорд?

– Почему нет? Похоже, он женился на ком только можно, так что теперь у него законное право посетить любую женскую спальню в этом доме.

Девушка прошла в спальню Дугласа, чтобы открыть Тони дверь, а Дуглас – к двери ее спальни. Когда Тони наконец ворвался в комнату, Дуглас был уже в коридоре и мчался по направлению к западному крылу.

– Дуглас, черт тебя побери, вернись! Куда это ты направляешься? Стой!..

Но Дуглас бежал не останавливаясь до самой Зеленой спальни. Там, в маленькой уютной кровати, лежала его жена, его новобрачная, его Мелисанда. Увидев его, она села, больше удивленная, чем испуганная. Ее лицо колебалось в неверном свете свечей. Натянув на себя одеяло, она спросила:

– Дуглас Шербрук?

– Почему вы здесь? Что вы делаете в этой кровати?

– Потому что она вышла за меня замуж, черт возьми! Дуглас, пожалуйста, уйди отсюда и позволь мне все тебе объяснить.

– Нет, я хочу забрать свою жену к себе в спальню. Я хочу, чтобы она была в моей кровати. Черт возьми, Тони, ты хочешь заполучить всех женщин. В таком случае поезжай в Турцию, там это разрешено законом. Там ты сменишь веру и станешь каким-нибудь Муслимом. Пожалуйста, а эту женщину я забираю себе.

– Это не твоя жена! Я женился на ней сам, и вовсе не для тебя. Я уже спал с ней, Дуглас! Теперь она моя жена, и я не отдам ее, – в начале своей речи Тони дико орал, но закончил уже довольно миролюбиво.

Дуглас, страшно бледный, смотрел на Мелисанду. Господи, это самая красивая женщина, которую он когда-либо видел. Блестящие черные волосы мягко обрамляли нежное лицо, огромные темно-синие глаза таили такое искушение, что Дугласу стало трудно дышать. Господи, за что? Он так спешил к ней, он весь день мчался, нигде не останавливаясь, чтобы поскорее увидеть ее. Ему вспомнилась Жанин, и он подумал, как бы она здесь смотрелась в качестве третьей жены.

Сердце его глухо билось. Его предали. Он снова посмотрел на свою невесту. Но невесты не было.

Нет, не совсем так. У него была невеста, ее звали Александра, и он никогда в жизни ее не видел, что бы она там ни говорила.

Он медленно повернулся к кузену:

– Я все жду, когда ты скажешь, что это одна из твоих неудачных шуток.

– Нет. Пожалуйста, Дуглас, пойдем ко мне, и я все тебе объясню.

– Это можно объяснить?

– Да, если ты дашь мне только ш…

– Скотина! – Дуглас нанес Тони страшный удар в челюсть. Тот отлетел на несколько футов и упал. Он быстро перевернулся, встал и встряхнул головой, пытаясь прийти в себя, но был сбит новым ударом. На этот раз Тони схватил его за ноги и, падая, увлек за собой. Обхватив друг друга руками, они катались по полу и боролись, издавая глухое рычание.

Мелисанда вскрикивала.

Александра стояла в дверях, высоко подняв свечу, и молча смотрела. Тони удалось подмять под себя соперника и тоже наградить его хорошим тумаком в челюсть. Дуглас взвыл от боли и, согнув ноги в коленях, скинул его с себя. Но Тони обладал прекрасной реакцией и успел ударить Дугласа еще раз, так что у того запрокинулась голова.

Александра ахнула. Потом быстро поставила свечу на столик и стала оттаскивать Тони от Дугласа, колотя его по спине и дергая за волосы. «Прекратите! Оставьте его!» – кричала она.

Тони был так удивлен столь неожиданным натиском этой хрупкой и кроткой девушки, что на какое-то мгновение ослабил хватку. Дуглас тотчас воспользовался этим и подмял его под себя, сильно ударив кулаком в солнечное сплетение. Тони охнул и, задохнувшись, согнулся пополам, обхватив себя руками. Вдруг Мелисанда как фурия набросилась на Дугласа, вцепилась ему в волосы и оглушительно закричала в самое ухо:

– Отпустите его, негодяй! Отпустите его!

У Дугласа зазвенело в ушах от этого крика. Кожу головы саднило, предметы вокруг него расплывались. Но тут другая жена – маленькая незнакомка – словно сумасшедшая прыгнула на Мелисанду и оттащила ее от него. Обе женщины в белых ночных одеждах метались по комнате, будто два привидения, и различить их можно было только по облаку волос: у одной – черному как уголь, у другой – красному как пламя.

Тони все еще стоял согнувшись и хрипел. У Дугласа было ощущение, что он после атаки Мелисанды остался лысым. Маленькая незнакомка подбежала к

нему с белым от ужаса лицом, тяжело дыша и вздрагивая. Он не проронил ни слова, когда она начала ощупывать его руки и плечи, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

– Он очень сильно вас ударил? Пожалуйста, скажите мне, если вам где-то больно. – Она дотронулась рукой до подбородка, и он вскрикнул, отдернув голову. – О, простите меня, я не хотела причинить вам боль. Челюсть не сломана, но ушиб очень сильный.

Дуглас взял ее за руки и отодвинул от себя со словами:

– Со мной все в порядке. Оставьте меня. Лучше позаботьтесь о своем втором муже.

Его взгляд скользнул в сторону Тони, рядом с которым стояла Мелисанда. Она нежно обнимала его, лицо ее было спрятано за черными кудрями.

Он подошел к открытой двери и позвал:

– Входи, Холлис.

Дворецкий, ни на унцию не уронив своего достоинства, вступил в это царство хаоса и неторопливо прошел через комнату.

– Милорд, – мягко обратился он к своему хозяину, – не соблаговолите ли пройти со мной, я приготовлю вам бренди в гостиной. Остальные тогда смогут сменить одежду на более подходящую и присоединятся к вам, когда пожелают. Пойдемте, милорд. Все хорошо. Пойдемте со мной. Все будет хорошо.

Дуглас позволил себя увести. Звон в ушах еще не прошел, голова продолжала болеть, и весь он пребывал в каком-то странном оцепенении. У Мелисанды были сильные руки и еще более сильные легкие. Ему захотелось стать кем-то другим. Этот парень, Дуглас Шербрук, – просто осел, болван, тупица. Он чуть не потерял все свои волосы и уж точно потерял невесту. Собственный голос показался ему чужим, когда он обратился к дворецкому:

– Но, Холлис, эта девушка набросилась на Тони. Почему? Ведь он сказал, что женился на ней. А меня она видит первый раз в жизни. Почему она была на моей стороне?

– Постарайтесь сейчас не думать об этом, милорд, – попытался перевести разговор в другое русло Холлис. – Просто радуйтесь тому, что нашлась женщина, которая постаралась защитить вас.

– Защитить меня! Черт, да она просто билась насмерть!

– Да, милорд. Собственно, так и должно быть. Ведь она ваша жена, милорд, и наша графиня. Она живет здесь уже два дня и всем очень понравилась.

– Нет, это не моя жена, – стараясь сохранить спокойствие, возразил Дуглас. – Это совершенно невозможно. Говорю же тебе, я первый раз вижу ее. Моя жена – Мелисанда. Ее я узнал. А Тони я просто убью за это идиотское представление.

Он остановился, чувствуя, как в нем нарастает желание вернуться и продолжить драку.

– Не думайте сейчас ни о чем, милорд. Утром все будет выглядеть несколько в ином свете. Идемте же.

– Но я не могу спать в одной постели с этой девушкой, Холлис. В конце концов, я – джентльмен. Я вообще не понимаю, как ей позволили оказаться в моих комнатах, когда она не является хозяйкой дома. Мне это не нравится, и я не могу допустить этого. И хотя она защищала меня и чуть не убила Тони, я не могу спать в одной комнате с ней.

– Да, милорд. Я прекрасно понимаю ваши чувства и нахожу их весьма похвальными. Я думаю, ее милость будет с вами полностью согласна. А теперь пойдемте. Вам нужно отдохнуть и привести свои мысли в порядок. А завтра все разъяснится.

Некоторое время посидев в молчании и выпив кофе вместо бренди, Дуглас наконец собрался с мыслями и трезво оценил свое положение. Но осознание того, что произошло, снова привело его в ярость.

– Я все-таки убью его, Холлис.

– Пожалуй, не стоит, милорд. Сперва послушайте, что он вам скажет. Ведь вы любили его, да и сейчас любите как брата.

В комнату вошел Тони.

– А, вот и ты, дорогой кузен!.. Речь как раз о тебе. – Дуглас попытался было встать, но Холлис обнял его за плечи и усадил обратно. Но Дуглас не хотел оставаться здесь. Ему хотелось лечь в постель, проспать часов двенадцать, проснуться и обнаружить, что все так, как и должно быть. «Ох, так и убил бы его на месте». А вместо этого ему пришлось взять себя в руки и спокойно спросить: – Ну, так почему же ты меня предал?

Тони был все в том же ночном халате, только теперь один рукав был наполовину оторван и одна пола свисала ниже другой. Он постарался держаться от Дугласа на расстоянии.

– Ты можешь выслушать меня спокойно, не размахивая кулаками?

– Я слушаю. Но предупреждаю, что рано или поздно, однажды на рассвете, я убью тебя.

– Господи, Дуглас, перестань! Черт, я не хотел, чтобы так вышло, но что теперь поделаешь.

Холлис осторожно прочистил горло и вступил в разговор:

– Достаточно иносказаний, милорд. Его милости нужны факты. А все эти эмоции не вызывают у него сочувствия, да и не к месту.

– Я полюбил Мелисанду с первого взгляда, и она меня тоже. Я знаю все ее недостатки, Дуглас, недостатки, о которых ты даже не догадываешься, смею сказать. Я понимаю ее и знаю, что смогу с ней поладить. Мы бежали. А когда вернулись в Клейборн-Холл, то решили с герцогом выдать за тебя Александру. Она была согласна, и я женился на ней как твое доверенное лицо. Герцог решился на этот шаг, так как был в отчаянии. Его сын бежал из Англии, оставив

отцу громадные долги. Ты обещал дать ему большое обеспечение за Мелисанду, и если его добавить к тому, что обязался выплатить я, то вместе эти деньги покроют долги и спасут его семью от позора. Видишь ли, Дуглас, я бы не сделал этого, если бы знал, что ты любишь Мелисанду. Но ты женился просто потому, что пришла пора. Мы подумали и решили, что женитьба на Александре и тебя избавит от многих хлопот. Она недурна собой, леди и умная девушка. И тебе не придется ехать в Лондон и пройти через горнило светских приемов в поисках невесты. А сейчас у тебя уже есть жена, она подходит тебе по всем статьям, ты скоро привыкнешь к ней, и все будет прекрасно.

Возможно, все это злит тебя, возможно, ты думаешь, что я сделал это, просто чтобы попытаться умилостивить тебя, возможно, все это звучит фальшиво в моих устах, но, клянусь тебе, я долго думал, прежде чем решиться на этот шаг. Я тщательно приглядывался к ней и могу поклясться, что она достойна тебя. Она действительно хорошая девушка – добрая, умная, спокойная, терпимая и…

– Ты словно кобылу продаешь, Тони. Или охотничьего пса. Она – не Мелисанда, и этим все сказано.

– Да, она – не Мелисанда, к счастью для тебя. Вспомни, как она тебя защищала! Да она чуть не убила меня! Уверяю тебя, ты очень скоро пожалел бы, что Мелисанда – твоя жена.

– Ха! Ну ты и тип! Тебя послушать, так ты просто спас меня! Ты хочешь заставить меня поверить, будто отвел от меня беду и подставил себя под пули. Ты украл у меня жену, Тони! Черт тебя побери, это уже слишком, я достаточно долго слушал твои дурацкие объяснения и…

– Милорд, – Холлис по-отечески положил руку на плечо Дугласу, – мы должны обдумать эти факты. Эмоции могут захватить вас и опять привести к насилию. А я не могу больше допустить насилия в Нортклиффе.

– Где моя сестра, Холлис? Где находятся Райдер, Тайсон и моя мать?

– Мистер Тайсон настаивал на отъезде из Нортклиффа, пока здесь все не утрясется. Он очень сообразительный молодой человек. Как только стало известно о том, что произошло, он собрал всю семью и убедил всех уехать в Лондон. Через два часа они уже выезжали из ворот Нортклифф-Холла. Сейчас

они в лондонском доме Шербруков и ждут от вас вестей.

Господи, он чуть не отвез Жанин в их городской дом. Слава Богу, лорд Эйвери нашел для нее комнаты. Дуглас обернулся к Холлису:

– Значит, я остался один в доме с этим несчастным женокрадом? – Он скрестил руки и улыбнулся. – Отлично! Значит, я смогу убить его без свидетелей, и Тайсон не будет виснуть у меня на руках и грозить адскими муками, и Райдер не станет смеяться надо мной, и мать и сестра не будут пугать меня своими обмороками. Нет, неужели все это правда, Холлис? Это, случайно, не идея Райдера, а? Нет, я думаю, что именно ты испугался, что начнется неразбериха, и уговорил Райдера увезти всех отсюда. Да нет, я не возражаю, я даже рад. Я благодарен тебе за то, что ты их отослал. Ну а теперь я могу спокойно убить своего несчастного подлого кузена! – Он вскочил.

– Пожалуйста, не надо, милорд.

Дуглас остановился и посмотрел на девушку, которая появилась в дверях и опять вмешивалась. Похоже, она и правда считает, что имеет на это право. Он пожал плечами, находя создавшееся положение странным. Это просто абсурдно, нелепо. Он никогда не согласится с этим.

– Назовите хотя бы свое имя, – сказал он, уже с трудом сдерживаясь.

– Меня зовут Александра Габриэла Чэмберс. Я младшая дочь герцога Берсфорда, и я уже не ребенок, а взрослая девушка восемнадцати лет.

Она замолчала, а он смотрел на ее лицо, которое оказалось очень хорошеньким, ее серые глаза сияли как драгоценные камни. На щеке у нее была царапина. Волосы были убраны назад и перевязаны лентой. У нее были высокие скулы, нежный рот, красиво изогнутые брови и прелестные маленькие уши. И она действительно производила впечатление разумной девушки. Но все это ничуть не тронуло его и не расположило в ее пользу. Она поправила пояс своего бледно-голубого пеньюара и снова подняла к нему лицо.

– Вы совсем не помните меня, милорд?

– Нет.

– Наверно, я с тех пор переменилась. Тогда я была ниже ростом и полновата. Иногда, когда нужно было что-то прочитать, я надевала очки, а волосы заплетала в тугие детские косички, поэтому неудивительно, что вы меня совсем не замечали, но теперь…

– Мне абсолютно все равно, насколько вы были полны и были ли вообще у вас волосы. Возвращайтесь в постель. Можете быть уверены, что я не потревожу вас этой ночью. У меня нет привычки делить постель с незнакомыми женщинами.

Она постаралась скрыть свою обиду, мельком взглянула на Тони и кивнула в знак согласия:

– Как вы пожелаете, милорд. Если вы не возражаете, я буду спать в комнате, примыкающей к вашей спальне.

– Спите хоть в коридоре! Или с Тони, ведь он тоже ваш муж.

– Дуглас…

Александра больше не сказала ни слова и вышла из комнаты. В холле она взяла свечу с испанского столика и медленно стала подниматься по широкой лестнице. А чего она ожидала? Что он посмотрит на нее и придет в восторг от сюрприза, который преподнес ему Тони? Что, сравнив ее с Мелисандой, он предпочтет ее? Что он страстно полюбит ее с первого взгляда? Что он пропоет аллилуйю и до конца жизни будет прославлять Тони за его заботу? Или ее отца – за то, что он убедил ее сделать это?

Она точно вспомнила, что она говорила, когда отец умолял ее согласиться, как он настаивал, используя против нее ее же чувства, как… Александра покачала головой. Нет, нечего сваливать вину на других. В конце концов, ее согласие было решающим. Если бы она действительно захотела отказаться, отец не смог бы принудить ее выйти за Дугласа таким способом. Но он так отчаянно нуждался в этих деньгах и так надеялся, что сможет выручить Реджинальда с помощью денег Тони Пэриша и Дугласа Шербрука, сможет вернуть его в Англию и наконец заставить его взяться за ум.

Ах! Она снова пытается найти какие-то разумные доводы, чтобы убедить себя в правильности того, что сделала. В то время как никаких оправданий нет. Дугласа предали. Его предал кузен, предала Мелисанда, предал ее отец. И она сама тоже.

Она надеялась, отчаянно надеялась, что он не отвергнет ее вот так, сразу, даже не сделав попытки узнать ее поближе. Но вот он приехал, и она оказалась лицом к лицу с реальностью. «Все будет хорошо. Ты не должна отступать. Все будет хорошо». Какой же самонадеянной она была! Ей казалось, она сумеет доказать ему, что из нее получится прекрасная хозяйка дома. Но откуда она знает, что ему нужна хозяйка? Может быть, ему действительно нужна просто красивая женщина, с которой весело, на которую приятно смотреть и которой можно гордиться на людях. Именно такая, как Мелисанда…

Мелисанда стояла наверху, томясь ожиданием.

– Ну? – взволнованно окликнула ее она. – Они больше не дерутся? Они не хватались за пистолеты и шпаги? Они будут стреляться из-за меня?

– Ты трепещешь от этой мысли?

– Не будь дурочкой. Что ты хочешь этим сказать?

В ответ Александра лишь покачала головой. Какое право она имеет упрекать сестру за то, что та оказалась яблоком раздора?

– Он велел мне идти в постель, – сказала она самым бесстрастным голосом, на который была способна.

– Ты должна была предполагать, что так случится, Аликс. Я предупреждала тебя, я предупреждала папу, чтобы он не втягивал тебя. Я предупреждала Тони. Все вы прекрасно знали, что Дуглас хочет жениться на мне, и только на мне. Да и как он мог думать о ком-нибудь другом с тех пор, как увидел меня? Ведь он даже не вспомнил тебя, признайся!

Александра снова покачала головой.

– Ты только не подумай, что я не хочу, чтобы ты стала графиней, Аликс. Просто мне не хочется видеть тебя несчастной. Как можно быть счастливой, когда твой муж ненавидит тебя, когда он не выносит одного твоего вида, когда он покидает комнату, как только ты входишь в нее? Ты не сможешь так жить, Аликс. Да, сестренка, человек предполагает, а Бог располагает. Мне бы тоже следовало быть графиней или герцогиней, а я всего лишь виконтесса. Но я сама сделала выбор, не так ли? Я выбрала Тони, тем самым не оставив выбора ему. Бедная Аликс! Бедный Дуглас! Так ты уверена, что Дуглас больше не сделает попытки убить Тони?

– Холлис там присматривает за ними.

Мелисанда состроила гримаску:

– Дворецкий, который отдает приказания. Я бы тут же пресекла это, если бы стала здесь хозяйкой. Это более чем странно.

– Да, – согласилась Александра, проходя мимо сестры, и тихо добавила через плечо: – Конечно, он хочет именно тебя, Мелисанда, и, возможно, так будет всегда.

Мелисанда улыбнулась:

– Я говорила Тони, что граф не простит его. Я говорила ему, но он, как всегда, остался при своем мнении. Я заметила, что мужчины иногда предпочитают не замечать правды, даже если она совершенно очевидна. Они всегда надеются, что смогут все исправить. – Она сделала паузу, потом наморщила свой мраморный лобик: – Мне уже начинает казаться, что я совершила ошибку. Мне не надо было выходить за Тони. Он пытается командовать мной и обращается со мной как с собственностью. Он даже сказал мне, что он не джентльмен в отличие от Дугласа. И вообще он позволял себе вольности со мной, когда мы ехали домой, и все это при свете дня, всего в часе езды от Клейборн-Холла! Ты представляешь? Он вел себя как какой-то неотесанный мужлан! Надеюсь, Дуглас не такой черствый и бестактный в отношении женщин. Да, теперь я вижу, как я ошиблась. Ты знаешь, он мне угрожал…

Мелисанда вдруг умолкла, наконец осознав, как отражаются ее излияния на сестре.

Александра в ужасе смотрела на сестру. Мелисанда уже жалеет, что вышла за Тони? Но как такое возможно? Тони и правда не всегда уступал ей и был довольно насмешлив, но ей казалось, что Мелисанде это даже нравится. О Боже!

– Тогда почему же ты не встала на сторону Дугласа, когда они дрались?

– Потому что ты накинулась на Тони. И мне показалось, что я должна его защитить. Прежде чем Тони ушел от меня, чтобы снова поговорить с Дугласом, он сжал меня в объятиях и сказал, что я могла бы сразиться с драконом. Ему понравилось, что я вела себя как простая деревенская девица, что я оглушила Дугласа и чуть не выдрала ему все волосы. Все это очень странно. Никогда не знаешь, чего хотят эти мужчины.

– Тони сумеет поладить с Дугласом, – сказала Александра. – Холлис говорит, что они очень близки и всегда хорошо понимали друг друга.

Мелисанда пожала плечами:

– Я думаю, Тони очень страдает от всей этой истории.

– Ты говоришь так, словно ты тут ни при чем.

– Тони – мужчина, поэтому вся ответственность лежит на нем.

– Какая чушь, – возмутилась Александра и ушла, оставив сестру стоять, облокотившись на перила лестницы, в ожидании мужа.

Александра быстро шла по коридору, на стенах которого висели портреты Шербруков прошлых поколений; по лицам и костюмам на этих портретах можно было легко догадаться о времени, когда они были написаны. Она вошла в свою комнату, примыкавшую к спальне графа, и встала посреди нее, пытаясь унять охватившую ее дрожь. В этой комнате кровать была намного уже и короче, чем в соседней. Она вспомнила, как Холлис показывал ей графские комнаты и как она стояла в его спальне, глядя на огромную кровать. Тогда она впервые поняла, что мужья и жены иногда должны спать вместе, если они хотят иметь детей, и что именно на этой кровати должен появиться наследник. Она плохо представляла себе, как все это должно происходить, но мысль о том, чтобы раздеться перед

мужчиной, приводила ее в ужас. Холлис, добрая душа, тогда сказал ей: «Я думаю, будет лучше, если граф сначала попривыкнет к вам. Прежде чем он признает вас своей невестой, миледи, он должен признать вас как жену».

В тот день эта спальня показалась ей страшно пустой и холодной, но приехал Дуглас, и комната сразу стала другой.

Александра задула свечу и забралась в кровать, все еще дрожа под холодными простынями. Она подумала, что в этой кровати она, возможно, будет спать всю оставшуюся жизнь. На минуту она утратила свой оптимизм в отношении этого замужества. А что, если Мелисанда окажется права? Что, если она будет для Дугласа пустым местом или он станет плохо обращаться с ней?

Для него это не было даже браком по расчету. Ведь ему самому придется платить за нее. Заплатить такие огромные деньги он обещал за Мелисанду, а взамен получил ее. И ничего больше.

Тони часами ходил за ней, рассказывая ей о Дугласе и забавляя ее светскими анекдотами. Она понимала, что он проводит с ней столько времени, чтобы решить для себя, достойна ли она его драгоценного кузена. В конце концов она выдержала экзамен. В глазах Тони появился радостный блеск, который так обожала Мелисанда, и он заявил, что согласен взять ее в жены для графа.

– Я так прочно введу вас в нашу семью, – сказал он, – что вы уже не сможете от нас ускользнуть.

Снова и снова он убеждал ее, что Дуглас не любит по-настоящему Мелисанду, что это брак по расчету, в котором приданым является красота, что он совсем не знает ее и что, женившись на ней, вскоре проклинал бы себя за это. А вот он, Тони, очень хорошо знает, на ком женился, и не жалеет об этом. Но все это не имело значения, потому что Тони – это Тони, а Дуглас – это Дуглас. Боже, как ей стыдно за все эти интриги!

Так, значит, Дуглас не любит Мелисанду и хотел жениться на ней только из-за ее красоты. Ха! Теперь он женат на дурнушке без приданого и также не любит ее.

Александра еще глубже зарылась в простыни, вспомнив, как Дуглас ворвался в спальню. Она не видела его целых три года. В последние два дня она все думала, как он изменился за это время – возможно, он растолстел и поседел или у него поредели волосы. Но когда он появился в ее спальне, она окаменела, не в силах сказать ни слова от нахлынувших чувств. Да, он стал старше, думала она, черты лица стали несколько резче, но в остальном он был все такой же – темные волосы, еще более темные глаза, нос с легкой горбинкой, который придавал ему такой высокомерный и неприступный вид, стройная, подтянутая фигура и выражение превосходства на лице. Он был по-прежнему красив, этот мужчина, ставший теперь ее мужем.

Увидев его, она страшно разволновалась, но, как ни странно, по-настоящему не осознавала силы своего чувства, пока он не запрокинул голову, взвыл как сумасшедший и налетел на кузена.

Как она хотела быть рядом с этим человеком! Ее природный оптимизм опять взял верх. «Все будет хорошо», – повторяла она снова и снова.

Через шесть часов Александра проснулась, услышала его шаги в соседней комнате и вспомнила все, что произошло вчера.

Что ей готовит новый день? Посмотрим. Пора вставать.

Глава 7

– Какого черта вам здесь нужно?

Было семь часов утра, действительно слишком ранний час для того, чтобы оказаться именно здесь, в громадной шербрукской конюшне. Утро – туманное, мокрое и облачное – как нельзя более подходило к их мрачному настроению… В помещении стояли любимые Дугласом запахи – сена, льняного масла, кожи и лошадей. Она огляделась в полумраке и не увидела никого из работавших здесь конюхов. На Дугласе были штаны из оленьей кожи, темно-коричневое пальто и высокие ботфорты, которые не мешало бы почистить. «Усталый, небритый и страшно раздраженный», – отметила про себя Александра. Тому, кто его не знал,

он мог сейчас показаться неряшливым и не умеющим себя вести грубияном. Но, на ее пристрастный взгляд, он смотрелся замечательно.

– Я хотела прокатиться, милорд.

– Быть может, после яркого света зрение обманывает меня, но что-то я не вижу в стойлах ни одной новой лошади. Где же та лошадь, на которой вы хотели прокатиться? Или это не лошадь? Однако хоть я и показал себя ослом во всей этой истории, на мне ездить не удастся.

Помолчав с минуту, Александра ответила довольно спокойным голосом:

– Мистер Мак-Колэм разрешал мне кататься на Фанни, пока вас здесь не было.

– Фанни – кобылка моей сестры.

– Я знаю. Она очень послушная лошадка, и ездить на ней – одно удовольствие. Я умею обращаться с лошадьми, милорд. Вы можете не беспокоиться за Фанни. Может быть, вы предпочитаете, чтобы я каталась на другой лошади?

Он хмуро смотрел на нее.

– То есть своих лошадей вы сюда не привели?

– Нет.

Отец продал большинство их лошадей два месяца назад, чтобы как-то выкрутиться. Это было еще до предложения Дугласа и до того, как он узнал, что и обеспечения зятя не хватит для спасения Клейборн-Холла.

– Я вижу, вы в костюме для верховой езды, хотя он и не новый и даже не по моде последних лет. Но тем не менее ваш отец и этот низкий ворюга, по-видимому, снабдили вас необходимым гардеробом на некоторое время, до тех пор пока вам не удастся вытянуть из меня побольше. Я не ошибся?

– Не знаю. Я не думала об этом.

Дуглас только фыркнул, и в ответ раздалось ответное фырканье из ближайшего стойла.

– Это Гарт, – сказал бесстрастно Дуглас. – Так, значит, вас не волнуют меха, ленты, кружева и прочие женские штучки?

– Нет. Разумеется, за исключением тех случаев, когда это необходимо.

– Не представляю, чтобы Мелисанда не интересовалась красивой одеждой, украшениями и другими побрякушками, которыми женщины завлекают мужчин, чтобы потом обвести их вокруг пальца. Не думаю, чтобы вы отличались от остальных представительниц вашего пола.

– Мелисанда – красивая женщина. Ей нужны красивые вещи, и она нужна им…

– Ха! Да ей ничего не нужно! Она будет прекрасна, даже если только прикроется своими волосами.

От этих слов у Александры сжалось сердце, но лицо ее по-прежнему выражало безмятежную приветливость.

– Наверно, вы правы. Так как бы вы хотели, чтобы я поступила, милорд?

– Я бы хотел, чтобы вы уехали отсюда и чтобы все, что происходит здесь, оказалось ночным кошмаром, от которого я завтра очнусь.

Александра изо всех сил продолжала держать улыбку на лице. Ей хотелось закричать, или ударить его, или упасть на колени и разрыдаться.

– Я имела в виду другое. Хотите ли вы, чтобы я каталась на Фанни, или чтобы я взяла другую лошадь, или чтобы я не каталась вовсе на ваших лошадях?

Дуглас провел рукой по волосам. Он с удивлением смотрел на эту маленькую особу, про которую все говорили, что она его жена. На ней была довольно безвкусная шляпка, из-под которой выбился длинный непослушный локон. Лицо было очень бледным, зато осанка была гордая, как у королевы. Какого необычного оттенка у нее волосы, подумал он. Цвета старинной розовой меди.

Да в общем, ему-то не все ли равно. Он не знает ее и не хочет знать.

Дуглас длинно выругался.

Аликс продолжала молча смотреть на него.

– О черт, да идите же! Садитесь на Фанни, и я посмотрю, как вы ездите и можно ли вам ездить на ней и дальше.

Мистер Мак-Колэм, пятидесятилетний мужчина, стройный и ловкий, как двадцатилетний юноша, с лицом цвета крепкого чая от постоянного пребывания на солнце, стоял у входа в конюшню и отдавал приказания младшим конюхам, когда граф и Александра вышли из конюшни. Недавно Мак-Колэм женился на хорошенькой двадцатидвухлетней вдовушке и потому все последнее время пребывал в прекрасном расположении духа.

– Доброе утро, милорд, – весело приветствовал он графа.

Дуглас ограничился едва заметным кивком головы. Все кругом предатели, распалял себя он. Вот и этот тоже. Разрешил какой-то самозванке разъезжать на кобылке Синджен. Даже Холлис, его старый друг, похоже, благоволит к ней. Не говоря уже про Тони, которого просто надо пристрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сент-Джон – святая Джоан.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koulter_ketrin/nevesta-obmanschica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить